

АНТИХРИСТИАНСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПУШКИНСКОЙ РЕЧИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Цыганский табор

Подошла очередь следующего участника торжественного производства поэта Пушкина во пророки. Какое великое событие! Каким восторгом горят глаза! Ещё бы! Никогда не было на Руси пророков, и вот является «божественный посланник», а мы, его почитатели, принимая *пророка во имя пророче* (Мф.10:41), мзду пророчу получаем. Ну, а если кто лжепророка принимает во имя пророка? Тот, надо думать, мзду лжепророка получит. Какая же мзда у лжепророка? *Погубиши вся глаголящья лжу* (Пс.5:7). В переводе Юнгера: «Погубишь всех говорящих ложь».

Итак, начало речи, произнесённой Ф.М. Достоевским в заседании Общества любителей российской словесности в 1880 году: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание».

Странно читать эти слова Федора Михайловича. Их можно понять и принять только при условии разграничения двух обществ: допетровского и послепетровского, потому что для русского самосознания, уходящего корнями в Киевскую Русь, Пушкин началом быть никак не может. Видимо, Ф.М. относит себя к послепетровскому обществу, называя его нашим, а допетровское общество и его самосознание, надо полагать, считает уже не существующим, раз поставляет Пушкина не в середину и не в другую часть пути, но в самое начало «правильного самосознания нашего». Причём, даёт поэту в руки факел к освещению «тёмной (!) дороги нашей новым (!) направляющим (!) светом. (1) В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание».

Чего и куда?

Достоевский: «В Алеко Пушкин уже отыскал и гениально отметил того несчастного скитальца в родной земле, того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем. Отыскал же он его, конечно, не у Байрона только».

Возникает вопрос: можно ли называть русским того, кто оторвался от русского народа? И что это за имя у «русского страдальца»? На каком языке говорил Алеко в цыганском таборе? Едва ли на русском. Я разумею, конечно, не вымышленного, но действительного Алеко, если таковой когда-либо был. Попутно с возмущением замечу, что в отношениях с литературой всегда эта липкая двусмысленность возникает, что, перебирая маски, общаясь с масками, думая о масках, сам для себя незаметно можешь стать маской, если не будешь

делать подобных поправок, разграничивающих литературного персонажа и действительного человека.

Итак, что касается народа, или языка, как по-церковнославянски именуется народ, то, как только Алеко перестал говорить в таборе на русском языке, так и утратил имя русского человека, вернее, остался им лишь по происхождению. А что касается веры, то православным никак не может быть назван тот, кто оторвался от православия. Немыслимо написать: «оторванный от православия православный страдалец». Впрочем, Ф.М. так не пишет. Но читаем его дальше.

Достоевский: «Тип этот верный и схвачен безошибочно, тип постоянный и надолго у нас, в нашей русской земле поселившийся».

Судя по этим словам, Ф.М. полагает, что типы отыскиваются писателями на земле. Если дело обстоит именно так, то чем тогда писатель, собирающий типы, отличается от натуралиста, собирающего бабочек? В чём тогда заключается писательское мастерство? В том только, чтобы поймать и описать редкий экземпляр? Но на такое определение своего ремесла любой писатель не согласится. Да и нам, читателям, известно, что писатель это – творец. Всё увиденное и пережитое он обобщает и отликает в совершенные художественные формы. Причём, талантливый писатель творит не из себя, а из вдохновения. Откуда же оно берётся? Оно посылается свыше, из заоблачных духовных сфер.

Греческое слово «типос» означает «образ, форма, тип, первообраз», а ещё – «отпечаток». Отпечаток чего? Если не обижать писателя и не превращать его в собирателя земных типов (2), то надо признать, что он отпечатывает на своих героях небесный первообраз, а именно тот самый дух, который посылается писателю в так называемом вдохновении. Иными словами, писатель отображает в героях своих произведений образ, или образец поведения, который был увиден его вдохновенным взором где-то в поднебесной выси.

В сказанных мною словах нет усмешки, ибо по-настоящему великий художественный образ сродни религиозному откровению. А образы, что созданы писателями помельче, можно назвать использованием открытого гениями художественного материала. Так же обстоят дела в науке, в которой лишь сотая часть изобретений имеет исключительное значение, потому что открывается не силой учёного ума, но озарением свыше. Прочие научные достижения являются лишь разработкой эвристических тем.

А если это так, если печать на небе, а отпечаток на земле, то уже не важно, из какого общественного слоя взят герой: дворянского, разночинского, крестьянского... Не важен также и народ: русский, немецкий, английский... Не важно даже историческое время, описываемое в книге, поскольку все эти мелочи имеют лишь земное преходящее значение. Что же тогда важно? Важна та небесная печать, оттиск которой несут на себе литературные герои. Какого же духа отпечаток мы видим в «русском скитальце» Алеко? Отпечаток духа, оторвавшегося от своей среды.

Переведа мысль Ф.М. из плоскости земной в идеальную, можно сказать, что Пушкиным был отыскан и верно схвачен небесный первообраз скитающегося духа. Вернее же сказать, воображение писателя Пушкина было схвачено и увлечено этим духом, который, мало сказать, «постоянный», он – вечный. А что касается долгосрочного поселения его в «нашей русской земле», то здесь Ф.М. оказался прозорливцем. Но читаем его дальше.

Достоевский: «Эти русские (опять употребляется это спорное в приложении к оторванным от русского народа скитальцам слово. – Г.С.) бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнут (они никогда не исчезнут. – Г.С.). И если они не ходят уже в наше время в цыганские таборы искать у цыган в их диком своеобразном быте своих мировых идеалов (почему же не русских идеалов, если они русские люди, почему мировых? – Г.С.) и успокоения на лоне природы от сбивчивой и нелепой жизни нашего русского - интеллигентного общества, то все равно ударяются в социализм, которого еще не было при Алеко, ходят с новою верой на другую ниву и работают на ней ревностно, веруя, как и Алеко, что достигнут в своем фантастическом делании целей своих и счастья не только для себя самого, но и всемирного. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоиться (Почему же ему не хочется покоя со святыми, почему нужно непременно во «всемирном счастье» успокоиться? (3) Не потому ли, что скиталец этот уже давно нерусский, т.е. неправославный? – Г.С.): дешевле он не примирится, - конечно, пока дело только в теории».

Речь идёт об Алеко. Ну, а если не прятаться за литературные маски? Если отбросить обе крайности в рассуждении о природе творчества, а именно ту, что писатель есть коллекционер земных типов, и ту, что он что-то вроде безвольного медиума или записывающего орудия? Если поставить писателя посредине между самостоятельностью и вдохновенностью, что выйдет? А то и выйдет, что не Алеко мы должны будем назвать теоретиком социализма, но самого поэта Пушкина.

«Здрасьте вам. Приехали», - слышу я читательские возгласы. - Дальше ехать некуда. Вылазь».

Не спешите с восклицаниями, дорогие, потому что социалистом мы всё-таки называем не самого Александра Пушкина, но дух, увлекший воображение поэта Пушкина. Именно он, бездомный, скитающийся, пытающийся свой, без Бога мир создать и есть главный теоретик и практик социалистического строительства. Но это ещё не всё. Раз Ф.М. считает Пушкина своим пророком, значит, и сам он под очарованием того же духа пребывает. Стремление к всемирному счастью, увиденное Ф.М. в Алеко, потому и увиденно им, что самому ему принадлежит. Можно даже сказать, что всемирное счастье нужно более писателю Ф.М., чем Алеко, и на том, что дешевле его, Ф.М. «не примирится, - конечно, пока дело только в теории».

Впрочем, и в теории социализма не обошлось без женщины. Алеко прельщён черноокой Земфирой. «Понятно, женщина, «дикая женщина», по выражению одного поэта, всего скорее могла подать ему надежду на исход тоски его, и он с легкомысленною, но страстною верой бросается к Земфире», - пишет далее Федор Михайлович, только мысли в голову Алеко влагает при этом неподходящие: «Вот, дескать, где исход мой, вот где может быть мое счастье, здесь, на лоне природы, далеко от света, здесь, у людей, у которых нет цивилизации и законов!» Разве с такими мыслями

бросаются к женщинам? Разве к черноокиим прибегают как к политическому убежищу? Впрочем, читаем дальше.

Достоевский: «Это все тот же русский человек (т.е. и социалист, и Алеко. – Г.С.), только в разное время явившийся. Человек этот, повторяю, зародился как раз в начале второго столетия после великой петровской реформы, в нашем интеллигентном обществе, оторванном от народа, от народной силы».

Опять прежнее недоумение возникает: если он оторван от народа, то по какому праву он называется русским? Он безродный интернационал, он лишён корней, он оторван от русского народа так, как француз от французского, немец от немецкого, англичанин от английского...

Достоевский: «Алеко, конечно, еще не умеет правильно высказать тоски своей: у него все это как-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природе, жалоба на светское общество, мировые стремления, плач о потерянной где-то и кем-то правде, которую он никак отыскать не может. Тут есть немножко Жан-Жака Руссо. В чем эта правда, где и в чем она могла бы явиться, и когда именно она потеряна, конечно, он и сам не скажет, но страдает он искренно. Фантастический и нетерпеливый человек жаждет спасения пока лишь преимущественно от явлений внешних; да так и быть должно: «правда, дескать, где-то вне его, может быть где-то в других землях, европейских, например, с их твердым историческим строем, с их установившеюся общественною и гражданскою жизнью». И никогда-то он не поймет, что правда прежде всего внутри его самого (обратим особое внимание на эти слова Ф.М., – Г.С.), да и как понять ему это: он ведь в своей земле сам не свой, он уже целым веком отучен от труда, не имеет культуры, рос как институтка в закрытых стенах, обязанности исполнял странные и безотчетные по мере принадлежности к тому или другому из четырнадцати классов, на которые разделено образованное русское общество. Он пока всего только оторванная, носящаяся по воздуху былинка. И он это чувствует и этим страдает, и часто так мучительно!»

Что ж, посочувствуем вымышленному страдальцу вымышленным сочувствием. (4)

Достоевский: «И что же оказывается: при первом столкновении своем с условиями этой дикой природы он не выдерживает и обагрят свои руки кровью. Не только для мировой гармонии, но даже и для цыган не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняют его - без отщипления, без злобы, величаво и простодушно. «Оставь нас, гордый человек; \ Мы дики, нет у нас законов, \ Мы не терзаем, не казним».

Так вот где причина и тоски, и жалоб, и мировых стремлений, и плача о потерянной правде. Вот где собака зарыта. Гордость не даёт покоя этой оторванной от земли, носящейся по воздуху былинке.

Достоевский: «Все это, конечно, фантастично, но «гордый-то человек» реален и метко схвачен. В первый раз схвачен он у нас Пушкиным, и это надо запомнить. Именно, именно чуть не по нем, и он злобно растерзает и казнит за свою обиду, или, что даже удобнее, вспомнив о принадлежности своей к одному из четырнадцати классов, сам возопиет, может быть (ибо случалось и это), к закону терзающему и казнящему, и призовет его, только бы отомщена была личная обида его.

Точно. «Оставь нас, гордый человек; \ ... \ Ты для себя лишь хочешь воли».

Достоевский: «Нет, эта гениальная поэма не подражание! Тут уже подсказывается русское решение вопроса, «проклятого вопроса», по народной вере и правде: «Смирись, гордый человек, и прежде всего

сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве», вот это решение по народной правде и народному разуму».

В отличие от Ф.М. я такой подсказки в решении «проклятого вопроса» (5) в поэме «Цыгане» не нахожу. Ни о смирении, ни об обращении к народной, т.е. православной вере в ней нет ни слова. «Но счастья нет и между вами, \ Природы бедные сыны! \...\ И всюду страсти роковые,\ И от судеб защиты нет» - вот и весь её вывод. Похоже, Федору Михайловичу очень хотелось увидеть эту подсказку, чтобы на ней основать своё «пророческое» слово, и он её увидел.

Колыбель революции

Достоевский: «Это решение вопроса в поэме Пушкина уже сильно подсказано. Еще яснее выражено оно в «Евгении Онегине» (мнимое решение провозглашается ясным. – Г.С.), поэме уже не фантастической, но осязательно реальной, в которой воплощена настоящая русская жизнь (русская ли? нет, не русская, но российская жизнь – с таким определением описанной Пушкиным жизни я ещё соглашусь, но что в «Евгении Онегине» изображена русская жизнь – решительно не согласен. – Г.С.) с такою творческою силой и с такою законченностью, какой и не бывало до Пушкина, да и после его, пожалуй. Онегин приезжает из Петербурга, - непременно из Петербурга, это несомненно необходимо было в поэме, и Пушкин не мог упустить такой крупной реальной черты в биографии своего героя (заметим, что туда же, откуда приехал Евгений, уезжает Татьяна. – Г.С.). Повторяю опять, это тот же Алеко /.../ (иначе и быть не могло, потому что Алеко и Евгений суть образы одного первообраза. - Г.С.)».

Достоевский: «В глуши, в сердце своей родины, он, конечно, не у себя, он не дома. Он не знает, что ему тут делать, и чувствует себя как бы у себя же в гостях. Впоследствии, когда он скитается в тоске по родной земле и по землям иностранным, он, как человек бесспорно умный и бесспорно искренний, еще более чувствует себя и у чужих себе самому чужим. Правда, и он любит родную землю, но ей не доверяет. Конечно, слышал и об родных идеалах, но им не верит. Верит лишь в полную невозможность какой бы то ни было работы на родной ниве, а на верующих в эту возможность, - и тогда, как и теперь, немногих, - смотрит с грустною насмешкой. Ленского он убил просто от хандры, почему знать, может быть от хандры по мировому идеалу (читай: от гордости. – Г.С.), - это слишком по-нашему, это вероятно. Не такова Татьяна: это тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его. Она уже одним благородным инстинктом своим предчувствует, где и в чем правда, что и выразилось в финале поэмы. Может быть, Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо бесспорно она главная героиня поэмы».

Если бы Пушкин назвал поэму именем Татьяны, тогда я, быть может, поверил бы в «подсказку» решения в ней «проклятого вопроса» по-русски, которую так хочет видеть в пушкинском творчестве Ф.М., а именно: «Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве», вот это решение по народной правде и народному разуму. «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя - и станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконец, народ свой и святую правду его. Не у цыган и нигде мировая гармония, если ты первый сам ее недостоеин, злобен и горд, и требуешь жизни даром, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить». Кому заплатить?

Разумеется, Богу. Странно, что этого краткого слова не дописал сам Ф.М.? Но, может, потому и не дописал, что оно само собой разумеется?

Но Пушкин не назвал роман «Татьяна Ларина», и подсказки «смирись», усердно подсказываемой Достоевским, не мог дать своим читателям уже потому, что она не отвечала духу, увлекшему душу поэта. Десятая, или декабристская глава «Евгения Онегина», а также глава онегинских путешествий перечёркивают все старания Ф.М. убедить меня в существовании несуществующей подсказки.

Скажу более, Пушкину, чтобы сказать читателю «смирись», чтобы жизненно выстрадать, а не умом только понять суть смирения, надо было, как Достоевскому, побывать на каторге, а не в творческой командировке в Михайловском. Впрочем, пример писателя Ф.М. здесь неуместен не столько потому, что образы смирения скорее дадут нам жития святых, нежели биография Ф.М., сколько потому, что самим Федором Михайловичем, как мы это увидим дальше, истина о смирении была выстрадана не до конца, не до полной чистоты обжигаемого в огненной печи золота. Потому как, для того, чтобы сказать читателю «смирись», чтобы выжечь, выскоблить, вытравить пушкинский дух... простите, я увлѣлся, - чтобы пленить и *в послушание Христу* (2 Кор.10:5) привести пушкинский дух гордыни, словно яд, разливаемый по народному телу, нужна была уже не царская каторга, но советский концлагерь. И даже не советский концлагерь, но советский крах.

Но что Татьяна? Она ведь тоже, как и Онегин, происходила из верхнего слоя общества. Что же она?

Достоевский: «Это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины, и ей предназначил поэт высказать мысль поэмы в знаменитой сцене последней встречи Татьяны с Онегиным. Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе - кроме разве образа Лизы в «Дворянском гнезде» Тургенева. Но манера глядеть свысока сделала то, что Онегин совсем даже не узнал Татьяну, когда встретил ее в первый раз в глуши (дело не «в глуши», а в том, что гордость и все другие страсти ослепляют ум, а смирение как путь к бесстрастию, даруемого Богом, просветляет его. - Г.С.), в скромном образе чистой, невинной девушки, так оробевшей пред ним с первого разу. Он не сумел отличить в бедной девочке законченности и совершенства и действительно, может быть, принял ее за «нравственный эмбрион». Это она-то эмбрион, это после письма-то ее к Онегину! Если есть кто нравственный эмбрион в поэме, так это, конечно, он сам, Онегин, и это бесспорно. Да и совсем не мог он узнать ее: разве он знает душу человеческую? Это отвлеченный человек, это беспокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узнал он ее и потом в Петербурге, в образе знатной дамы, когда, по его же словам в письме к Татьяне, «постигал душой все ее совершенства». Но это только слова: она прошла в его жизни мимо него не узнанная и не оцененная им; в том и трагедия их романа. О, если бы тогда, в деревне, при первой встрече с нею, прибыл туда же из Англии Чайльд-Гарольд или даже, как-нибудь, сам лорд Байрон и, заметив ее робкую, скромную прелесть, указал бы ему на нее, - о, Онегин тотчас же был бы поражен и удивлен, ибо в этих мировых страдальцах так много подчас лакейства духовного! (Великолепно сказано, но мы уточним, откуда берѣтся духовное лакейство в этих мировых страдальцах: от чёрной повязки на глазах и от чужого ума вместо своего. - Г.С.). Но этого не случилось, и искатель мировой гармонии, прочтя ей проповедь и поступив все-таки очень честно, отправился с мировой тоской своею и с пролитой в глупенькой злости кровью на руках своих скитаться по родине, не примечая ее, и, кипя здоровьем и силою, восклицать с проклятиями: «Я молод,

жизнь во мне крепка, / Чего мне ждать, тоска, тоска!» Это поняла Татьяна. В бессмертных строфах романа поэт изобразил ее посетившего дом этого столь чудного и загадочного еще для нее человека. Я уже не говорю о художественности, недостижимой красоте и глубине этих строф».

Перед нами признание, выдающее книжную душу писателя Ф.М., который, назвав строфы бессмертными, тут же добавляет им недостижимую красоту и глубину, как будто мало им бессмертия. О чём же строфы? О посещении Татьяной барского дома Онегиных. Пустой и пыльный дом с нежилыми комнатами, озарёнными под конец Таниных гостин лунным светом... Что здесь особенного? Разве что мастерское описание? Но у Пушкина все описания мастерские. Странно, что изображениям природы, связанным с Татьяной, Достоевский предпочитает изображение безжизненного дома.

Бессмертными строфами романа вместо сцен знакомства Татьяны с онегинским домом я бы назвал сцены её прощания с природой: «Простите, мирные долины, / И вы, знакомых гор вершины, / И вы, знакомые леса; / Прости небесная краса, / Прости, весёлая природа; / Меняю милый, тихий свет / На шум блистательных сует... / Прости ж и ты, моя свобода! / Куда, зачем стремлюся я? / Что мне сулит судьба моя?»

В этой прощальной песне уже слышен плач последнего поэта деревни в его «Сорокоусте». В ней слышен плач самого русского крестьянства в год «великого перелома» (1927) его жизни. Этот плач до конца выплечут советские деревенщики в их прозе. А сейчас так плакать некому, т.к. связанной с народом интеллигенции нет, потому что самого народа, кровно связанного с землей, по сути, тоже нет.

Кабинет, где Татьяна будет постигать онегинскую душу, читая собранные им книги, не представляет собой ничего особенного. «И стол с померкшею лампадой, / И груды книг, и под окном / Кровать, покрытая ковром...» Однако ж, отличительная особенность кабинета в том и состоит, что он мог бы находиться в любой части мира без особых изменений. В Петербурге, в Париже, в Лондоне он был бы у Онегина таким же. Этот кабинет не связан с внешним миром, поскольку существует в самом себе. (6) И неужели в этом замкнутом мире Достоевский предполагал отыскать правду, когда назидательно говорил Алеко, Евгению и всем социалистам-дворянам: «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою?»

Это всё так и в то же время не так. Потому что трудиться над собой, конечно, надо, но гораздо важнее, чтобы благодать Божия трудилась над человеком. *Благодатию Божиею есмь то, что есмь* (1Кор.15:10), - говорит Апостол Павел о причинах своего чудесного превращения из гонителя церкви в её Апостола. Благодать же подаётся в Таинствах Церковных.

Достоевский: «Не вне тебя правда, а в тебе самом».

Правда – в Церкви, которая есть *столп и утверждение истины* (1Тим.3:15). Пойди в церковь, брось, наконец, эту возню с самим собой и со своими книгами, и там, с помощью

Божией, овладеешь собой и узришь правду. Трудясь над своим внутренним устройством, увидишь с помощью Божией истинное солнце Правды – Христа Бога. Проси помощи у Него в своём исправлении. Проси не перед лампадой (7), стоящей на твоём письменном столе, но перед горящей у Его иконы церковной лампы. Ничего этого Ф.М. не говорит, но будем надеяться, что подразумевает, когда говорит о некоей «народной правде»: «Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве, вот это решение по народной правде и народному разуму».

Чего-чего, а правды о себе да и любой другой правды в собственном кабинете Онегин не отыскал бы никогда. Зато Татьяна её отыскала. «Уж не пародия ли он?» Точно, Онегин это – пародия, или в буквальном переводе с греческого: «песня наоборот». Ум наоборот, душа наоборот, жизнь наоборот, всё наоборот. Кого же пародирует Онегин? Нет, он сам не пародирует. Напротив, он, как прилежный ученик, копирует пародистов – литературных героев Байрона и др. А вот те уже знают, что делают, те уже сознательно пародируют, т.е. перепевают наоборот. Кого же?

Обезьяной Бога назван диавол. Оторванный от Бога, не имеющий самостоятельной творческой силы, он способен только к подражанию, паразитизму и производству масок. Солнце, свет, тьма, лампада, разум и другие образы суть словесные пародии, если понимаются иначе, чем учит их понимать церковь, т.е. Бог через Свою Православную Церковь. Но как Татьяне удалось разгадать Онегина? Опять мы вынуждены уточнить, что речь идёт о литературных масках Пушкина, и задать этот вопрос в ином виде: как маске по имени «Татьяна» удалось разгадать маску по имени «Онегин»? И в таком виде поставленный вопрос в самом себе заключает ответ: так захотел создатель масок. Но послушаем, что говорит нам Ф.М.

Достоевский: «И как прежде Алеко к Земфире, так и он устремляется к Татьяне, ища в новой причудливой фантазии всех своих разрешений. (Фантазия стремится к фантазии. Это ли не ужас положения, в котором находится всякий литератор, и в котором оказываемся мы, когда забываем о том, что литература это выдумка? – Г.С.). Да разве этого не видит в нем Татьяна, да разве она не разглядела его уже давно? Ведь она твердо знает, что он в сущности любит только свою новую фантазию, а не ее, смиренную, как и прежде, Татьяну! Она знает, что он принимает ее за что-то другое, а не за то, что она есть, что не ее даже он и любит, что, может быть, он и никого не любит, да и не способен даже кого-нибудь любить, несмотря на то, что так мучительно страдает! Любит фантазию, да ведь он и сам фантазия. Ведь если она пойдет за ним, то он завтра же разочаруется и взглянет на свое увлечение насмешливо. У него никакой почвы, это былинка, носимая ветром. Не такова она вовсе: у ней и в отчаянии и в страдальческом сознании, что погибла ее жизнь, все-таки есть нечто твердое и незыблемое, на что опирается ее душа. Это ее воспоминания детства, воспоминания родины, деревенской глуши, в которой началась ее смиренная, чистая жизнь, - это «крест и тень ветвей над могилой ее бедной няни». О, эти воспоминания и прежние образы ей теперь всего драгоценнее, эти образы одни только и остались ей, но они-то и спасают ее душу от окончательного отчаяния. И этого не мало, нет, тут уже многое, потому что тут целое основание, тут нечто незыблемое и неразрушимое. Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею. А у него что есть, и кто он такой? Не идти же ей за ним из сострадания, чтобы только потешить его, чтобы хоть на время из бесконечной любовной жалости подарить ему призрак счастья, твердо зная наперед, что он завтра же посмотрит на это счастье свое насмешливо. Нет, есть глубокие и твердые души, которые не могут сознательно отдать святыню свою на позор, хотя бы и из бесконечного сострадания. Нет, Татьяна не могла пойти за Онегиным».

Итак, в противовес Онегину, типу бесспорно отрицательному, типу мятежного скитальца, Пушкин создаёт образ верности и правды в лице Татьяны. В ней поэт воплощает «нечто твердое и незыблемое», на что может опереться душа читателя, а именно, связь «с родиной, с родным народом, с его святынею». Но взглянемся в это лицо и увидим, что оно – личина. О, ужас, Татьяна – маска, созданная тем же мастером, что и маска Онегин.

Fare thee well, Александр Сергеевич

Читаем далее пушкинскую речь. «Итак, в «Онегине», в этой бессмертной и недостижимой поэме своей, Пушкин явился великим народным писателем (надо всё же уточнить, что Пушкин в «Онегине» явился великим народным писателем «верхнего» народа; смотри следующее предложение Достоевского. – Г.С.), как до него никогда и никто. Он разом, самым метким, самым прозорливым образом отметил самую глубь нашей сути, **нашего верхнего над народом стоящего общества** (выделено мной. – Г.С.). Отметив тип русского скитальца, скитальца до наших дней и в наши дни, первый угадав его гениальным чутьем своим, с историческою судьбой его и с огромным значением его и в нашей грядущей судьбе, рядом с ним поставив тип положительной и бесспорной красоты в лице русской женщины».

Что ж, давайте и мы попробуем помыслить типами, т.е. образами, масками, сюжетами и прочими «откровениями» литературы, т.е. попробуем считать её «пророчеством», а литераторов – «пророками». Давайте, предположим, что Пушкин не только для Достоевского, но и для нас, воцерковлённых православных христиан, пророк, с тем чтобы, поговорить о возможных «откровениях», которые Пушкин в «дали» своего романа «сквозь магический кристалл /.../ различал». (8) Ведь отметил же он, Пушкин, «самым прозорливым образом самую глубь нашей сути», как говорит Достоевский. Под «нашей сутью» нужно, конечно, понимать суть «нашего верхнего над народом стоящего общества», т.е. голову народного тела. Впрочем, это и есть «наша суть», поскольку куда ведёт голова, туда идут и ноги.

Мы отстоим от времени провозглашения Пушкина пророком на 130 лет и от времени написания романа на 180 лет. Должны же мы видеть, что пророческого изрёк Пушкин? Что из предреченного им сбылось, а что не сбылось? И уже из этого заключить: лживый он пророк или истинный, ибо во все времена так только о пророках и судили, правду они говорят или нет, можно им верить или нельзя.

Итак, тип «русского скитальца» отмечен Пушкиным гениально. (9) Только для нас, пытающихся пророчески широко взглянуть на поэму, это тип не просто «русского скитальца», но гордого и оторвавшегося от Бога духа, живущего придуманной жизнью. Так же и с Татьяной. Если для Достоевского Татьяна – «тип положительной и бесспорной красоты», то для нас она – образ живущей по Божьим заповедям добродетели.

«Татьяна не могла пойти за Онегиным», - пишет Достоевский. Да, Татьяна не пошла за Онегиным, зато её дочери пошли за Печориным, Базаровым, Ставрогиным, Левиным и прочими онегинскими подражателями. Так правда ли, что Татьяна не пошла за Онегиным? Вроде бы правда, но на самом деле нет, потому что дочери Татьяны, родившись и выросши в Петербурге, устремились за новыми «песнями наоборот», всё более забывая свою связь с

«родиной, с родным народом, с его святынею», забывая как раз то, что Ф.М. называет «незыблемым и нерушимым»? Что же предугадал Пушкин? Что предрёк? Выходит, что ничего, если в выводе, который делает Достоевский из романа Пушкина, мы никакого пророчества не видим.

«Но, позвольте, о дочерях Татьяны в романе нет ни слова, - возразит читатель. - Почему же вы решили, что какие-то онегинские подражатели обманули каких-то её дочек?»

Повторяю, мы смотрим на Онегина и Татьяну уже не как на литературные персонажи, но как на предельно широкие образы, названные этими именами. И при таком их рассмотрении мы видим, что Татьяна пошла-таки за Онегиным, потому что из последующей после Пушкина истории мы знаем, что жившая по Божиим заповедям жизнь пошла вслед за безбожной жизнью. Или, говоря в типах Достоевского, «красота» пошла за «скитальцем», и в 1917 году была обманута и соблазнена им. Значит, никакого пророчества в романе нет, напротив, есть лжепророчество.

Теперь о смирении как о решении «проклятого вопроса» по-русски, которое так хочет видеть Достоевский в творчестве Пушкина. Есть ли оно там? Давайте посмотрим на факты, а не на горы книг, написанных о Пушкине. Что же мы видим в нашей недавней истории? Превознесённую до небес гордость во всём: от первого космонавта и крупнейших в мире ГЭС до самого передового строя на земле, построенного советским народом. Мы видим вместо *егда зван будеши, шед сяди на последнем месте* (Лк.14:9), фарисейское желание сесть на виду всего мира. Значит, Божественной мудрости о том, что *всяк возносяйся смирится, и смиряйся вознесется* (Лк.14:11) «пророк» Пушкин тоже свой народ не научил. **(10)**

«Татьяна не могла пойти за Онегиным», - пишет Достоевский. Но Татьяна не пошла за Онегиным, так сказать, телом, будучи верна мужу (без разницы какому: «все жребии равны»), сердцем же она пребывала с Онегиным, потому что любила его.

Пишу эти слова и думаю, что я пишу? Какая Татьяна? Какая любовь? Какой муж? Ведь ничего этого никогда не было. Всё придумано, всё насквозь лживо, а я в этой лжи хочу какую-то правду увидеть. Бред. Что бы такое сделать, чтобы отгородиться от выдуманного мира литературы и не пачкаться им? Может, на каждое слово ставить кавычки, чтобы дальше кавычек ложь не распространялась? «Татьяна» «полюбила» «Онегина»... Эдак, окончательно запутаешься в кавычках, как в дремучем лесу, поэтому допишем до вывода без кавычек.

Татьяна полюбила Онегина ещё не зная, что он пародия. Но когда она это узнала, и когда поняла, что он любит не её, но «фантазию, да ведь он и сам фантазия. Ведь если она пойдет за ним, то он завтра же разочаруется и взглянет на свое увлечение насмешливо. У него никакой почвы, это былинка, носимая ветром», то почему Татьяна продолжала любить «былинку»? Почему умная женщина любила пародию? О чём-то же это говорит? О чём же? О родстве их душ.

Чувство любви недоступно пониманию. Потому что, если действительно любят, то даже не знают, за что и почему. Любят при изъянах и пороках. Любят себе в ущерб и на беду. Но объяснение у любви всё-таки есть: любят всегда – своё.

Выше мы говорили, что Евгений и Татьяна суть оттиски одной духовной печати. «Сердце» «Татьяны» изначально принадлежало тому первообразу, который отразился в образе «Евгения». Поэту Пушкину потому было позволено создание положительного образа Татьяны отрицательным первообразом, чтобы ввести читателя в заблуждение, даже такого вдумчивого, как Ф.М. Достоевский, не разглядевшего, что маска «Татьяна» и маска «Евгений» суть уроки одного учителя. Но спрашивается, может ли учитель, задающий пародийные уроки, серьёзно говорить о будущем? Может ли насмешливый дух знать, что будет, как знают это Ангелы и Пророки, слушающие слово Божие? Не может. Вот, стало быть, и пришли мы к выводу. Не хотели довольствоваться Пушкиным-поэтом, хотели пророка? Получите Пушкина-лжепророка.

Тут же возникает вопрос: чего хотел наш лжепророк, пища роман? Подумать только, годами он выделывал маски Татьяны и Евгения и всю свою жизнь жил в мире фантазий, и сочинял, сочинял, сочинял... Зачем он выдумал Онегина и Татьяну? Зачем восемь лет трудился? Чтобы только посмеяться над читателями? Те ему деньги, славу и обожание, а он им кукиш в кармане? Причём, счёт обманутых читателей можно вести на миллионы.

А то, что существо романа, быть может, не в татьяне и не в евгении, но в какой-то зашифрованной проказе гения, заставляет думать история с количеством глав, их восемь. Поэт, как говорят пушкинисты, задумывал написать двенадцать глав. Написал десять, и из десяти оставил восемь. Восемь лет (опять эта цифра) упорного труда и развязка в три строфы? Что бы это могло значить?

Но остановим себя встречным вопросом: может, мы сами уже выдумываем лишнее, увлекшись разгадыванием несуществующих шифрограмм? Однако то, что производимый нами поиск сокровенного смысла в количестве глав романа является не досужим вымыслом, но нащупыванием сердечного биения всего пушкинского творчества, подтверждает окончание 7-ой главы. По загадочности оно под стать окончанию всего романа.

«Но здесь с победою поздравим / Татьяну милую мою / И в сторону свой путь направим, чтоб не забыть о ком пою.../ Да кстати, здесь о том два слова: / Пою *приятеля младого* / И множество его причуд. / *Благослови мой долгий труд,* / *О ты, эпическая муза!* /.../ Довольно. С плеч долой обуза! / Я классицизму отдал честь: / Хоть поздно, а вступленье есть» (везде курсив Пушкина. – Г.С.).

Почему же «в сторону свой путь направим», а не по главному пути, если поэма об Евгении? Что такое «множество его причуд»? Одно из двух: либо Пушкин называет убийство Ленского и разбитые сердца «причудами», либо под «приятелем младым» подразумевает кого-то другого, не Евгения? Какая «с плеч долой обуза»? Зачем целых семь глав отдавать «честь классицизму»? Какой «мой долгий труд»? Совершённый или предстоящий? Если

совершенный, то кто же так делает: сперва совершает «долгий труд», а потом просит на него благословения? А если предстоящий, то какой же он «долгий»: всего одна глава? Какое и куда вступление, если позади уже 7-мь глав романа при общем их количестве 8-мь? Зачем многие слова этой строфы выделены автором курсивом? В общем, сплошные вопросы. А если обратимся к началу 8-ой главы, то вопросов ещё прибавится. (11)

Начало 8-ой главы посвящено описаниям нарядов пушкинской музы. Описаны студенческая муза, являвшаяся «при кликах лебединых», муза-вакханочка, муза-Ленора... Этот последний образ привёл меня в недоумение. Вот что пишет Пушкин: «Она Ленорой при луне, / Со мной скакала на коне!»? В редакторском комментарии на этот стих сказано: «Ленора – героиня знаменитой баллады немецкого поэта Бюргера, переведённой Жуковским. В этой балладе описывается, как Ленора скачет на коне вместе со своим мёртвым женихом». Выходит, Пушкин сравнивает себя с мертвым женихом своей музы? Что это? Зачем поэт, тщательно отбирающий каждое слово, рисует этот страшный образ, который для христианина непотребно читать?

Далее идёт описание музы, которая «...позабыв столицы дальней / И блеск и шумные пиры, / В глуши Молдавии печальной / Она смиренные шатры / Племян бродящих посещала, / И между ими одичала, / И позабыла речь богов / Для скудных, странных языков, / Для песен степи, ей любезной...»

«Смиранный шатёр» не кишинёвская ли ложа? «Племена бродящие» не братья ли масоны? «Классицизм» не христианство ли? «Речь богов» не язык ли церкви и Священного Писания? «Скудные, странные языки» не символы ли и знаки масонские? Что значит, наконец, выражение «эпическая муза» в 7-ой главе? Не эта ли муза явилась поэту в образе серафима? Не с этой ли музой «душа в заветной лире мой прах переживёт...»? Подумать только, не со Христом и не во Христе, но в «заветной лире» душа поэта «тленья убежит»... (12) И что значит выражение «заветная лира»? Поэт с лирой заключил завет? Новый, ветхий, масонский? Наконец, муза является поэту «...барышней уездной, / С печальной думою в очах, / С французской книжкою в руках». Надо полагать, здесь говорится о Татьяне. А если я ещё пару строк приведу, то читатель, пожалуй, скажет: «Что это вы, батюшка, нашего Пушкина, как революционера, обыскиваете? Словно царский жандарм, прицепились к нему, ища бомбы в саквояже с поэтическими рукописями?»

Ну, а что прикажете, делать с этим фармазоном и странником по читательским сердцам? Только обыскивать и остаётся. Чтобы дважды, трижды, бесконечно не взрываться на бомбе, которую он в верхах российского общества подложил. Поэтому, даже рискуя от подозрительности впасть в мнительность, и начать думать то, чего нет, я эти строки приведу. Сперва эту: «Все шлют Онегина к врачам, те хором шлют его к *водам*» (курсив Пушкина). А затем эту: «Кто там в малиновом берете / С послем испанским говорит?» Приведя эти строки, я приведу и свои предположения, вы же, читатель, сами решайте, как к ним относиться.

Мне кажется, что словом «*воды*» Пушкин указывает на обряд посвящения в масоны. В словаре масонских терминов говорится, что посвящаемого вводят с завязанными глазами,

обнаженными грудью и коленом. Он проходит через символические странствования и очищение водой и огнем. По окончании странствований с глаз его снимают повязку. Т.е. Пушкин курсивом слова «*воды*» даёт знать посвящённым, что он отсылает Онегина к масонам, и хочет видеть своего героя в их рядах, «а он не едет».

Маска «Онегин» не поняла или не захотела понять, что «любовь» маски «Татьяны» зависит от *вод* посвящения. Кого же тогда символизирует Татьяна, кому она отдана и будет век ему верна? Неужели... Нет, не будем об этом гадать нашим непосвящённым умом. По некоторым данным, Пушкин достиг семнадцатого градуса посвящения. Оградив себя широким православным крестным знаменем, заглянем в «Книгу древнего и принятого Шотландского устава франкмасонства», в 17-й градус.

«Ложь восьмиугольной формы, с малиновыми драпировками, усыпанными золотыми звездами. Семь «квадратных колонн» в каждом углу, с инициалами слов: Красота, Святость, Мудрость, Мощь, Честь, Слава, Сила на их капителях и с инициалами слов: Дружба, Единство, Самоотдача, Рассудительность, Верность, Благоразумие, Умеренность на их базисах. На Востоке находится алтарь с семью ступенями с пустым тронem, солнце и луна и песочные (или водяные) часы. На алтаре находится серебряный сосуд с благовонной водой, сосуд с раскаленными углями и большая книга, запечатанная семью печатями из зеленого воска. Все двадцать четыре члена (называемые Прецепторией) одеты в белые мантии с красными крестами на груди. /.../ Запон из желтого с малиновым и голубым сатина, и с мечом и Тетрактисом (или Тетраграмматом) на ней. Подвеска – гептагон из серебра и золота со скрещенными на весах мечами на лицевой стороне и агнцем на книге с семью печатями на оборотной стороне. Подвеска носится на двух перевязях: одной черной (слева направо) и другой белой (справа налево), символизируя добро против зла...»

В приведенном описании нас, во-1-х, интересуют малиновые драпировки ложи и малиновый цвет запона, т.е. фартука посвящаемого каменщика. Пусть читатель посмеётся над моей жандармской подозрительностью (13), но я свяжу их с малиновым беретом Татьяны, поскольку это именно она «в малиновом берете / С послем испанским говорит». А во-2-х, обратим внимание на цифры 7 и 8: ложь восьмиугольной формы, семь божественных добродетелей, семь человеческих добродетелей, семь ступеней с пустым тронem, семь печатей, гептагон, т.е. семиугольник...

Свяжем цифры 7 и 8 с главами романа. Точнее, с загадочными стихами в конце 7-ой главы, рассмотренными нами выше, а также с эпиграфом 8-ой главы, взятым из Байрона: «Fare thee well, and if for ever, / Still for ever, fare thee well», и, наконец, с бесконечной перспективой в финале. В комментариях к роману даётся такой перевод эпиграфа: «Прощай, и если мы расстаёмся навсегда, то навсегда прощай».

Я плохо знаю английский, поэтому могу соврать, но первые и последние слова этого эпиграфа «fare thee well» я перевел буквально так: странствуй хорошо, или доброго странствия. Не буду гадать: сам ли поэт собрался в бесконечную перспективу или кого другого хочет туда послать? Не хочу также домысливать, какую «тайную свободу» (14) хотел сообщить посвящённым их пророк количеством глав своего романа? Что я, профан, могу знать об их масонской символике? Поэтому я скажу о том, что знаю – о христианской символике. Тем паче, что она мать и повелительница всех символик, вернее сказать,

масонская символика всего лишь пародирует тот смысл, который вкладывается христианством в числа и знаки.

Из Библии мы знаем о шести днях творения: *И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой*» (Быт.1:31). Знаем также и о седьмом дне, в который почил Бог *«от всех дел Своих*» (Быт.2:2). Исходя из этих слов, Святая Церковь учит нас, что нынешний век есть День седьмой, а нескончаемая жизнь будущего века это «осьмой день» творения. «Семидневный цикл завершается Божественным покоем субботнего дня; за ним – предел этого цикла – воскресенье, день сотворения и воссоздания мира», - пишет В.Н.Лосский.

Творение, которое воскреснет в 8-ой День, будет иным, но каким? Этого *не лезть есть человеку глаголати* (2Кор.12:4), одно ясно: оно будет заново отделённым. Потому что деление как главный принцип всего творения прослеживается в каждый из его Дней. В 1-й День был отделён свет от тьмы; во 2-й – воды под твердью от вод над твердью; в 3-й – суша от морей; в 4-й – светило дневное от светил ночных; в 5-й – живой от неживого мира; в 6-й – из живого мира был выделен человек; в 7-ой – ... а вот здесь процесс разделения *овец от козлов* (Мф.25:32), пшеницы от плевел ещё продолжается, и его итог откроется в 8-ом Дне.

Итак, если посмотреть на роман уже не «сквозь магический кристалл», но при свете дня святоотческих учений, то осмочисленное количество глав романа «Евгений Онегин» можно истолковать уже не как «восьмёрку на боку», т.е. масонский символ бесконечности, но как указание на основополагающий, т.е. христианский смысл числа «восемь», который открывается в романе помимо замыслов самого Пушкина, вернее сказать, поверх всех его замыслов.

Воскресение мертвых и жизнь будущего века – вот что такое «восьмёрка», т.е. восьмой День творения, в который произойдёт окончательное разделение мира. Где я окажусь? Справа? Слева от Господа? Господи, спаси! Но где бы мне не пришлось быть, я едва ли буду рядом с Пушкиным: он посвящённый, а я – профан. Поэтому прощайте, Александр Сергеевич, и если мы расстаёмся навсегда, то навсегда прощайте. Fare thee well.

Пурга

Итак, в последующей послепушкинской российской истории мы не находим подтверждения выводам Достоевского, сделанным им из романа «Евгений Онегин». Обманутая «красота» пошла за «скитальцем» строить безбожный придуманный мир, даже не понимая того, что тот, изнывая от скуки, разыграл с ней шутку. Если слово «разыграть», сказанное в отношении российской литературы, смущает читателя, я готов объяснить.

Мне кажется, что бесы в мире поступают так, как пожизненные уголовники в зонах: прежде разыгрывают доверившемуся им новичка, а потом, вдоволь насмеявшись, унижают, бьют и убивают его. Чем же была разыграна «красота», т.е. праведная жизнь? Идеей коммунизма.

Есть и другая причина употребления мною слова «разыграть». Она взята из стихов 7-ой главы «Евгения Онегина»: *«Пою приятеля младого / И множество его причуд»* (курсив Пушкина. – Г.С.). Причуды, шутки, розыгрыши, приколы – ягоды одного поля, хотя и созревают в разное время. Прежде созревает «причуда», потом «розыгрыш», потом «прикол». (19) Смущает слово «розыгрыш»? Замените его словом «причуда». Суть происходящего от этого не изменится.

Итак, разыграна была «красота» «скитальцем», и огромная роль в разыгрывании этой причуды принадлежит поэту Пушкину. Вот как об этом говорит Достоевский: «Все /.../ сокровища искусства и художественного прозрения оставлены нашим великим поэтом как бы в виде указания для будущих, грядущих за ним художников, для будущих работников на этой же ниве. (Интересно, понимал или не понимал Достоевский, что словом «нива» он не только спародировал слова Господа: *жатвы много, а делателей мало* (Мф.9:37), но и противостоял Ему, перенаправляя и без того немногочисленных работников духовной нивы на ниву художественную. – Г.С.). Положительно можно сказать; не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов. По крайней мере не проявились бы они в такой силе и с такою ясностью, несмотря даже на великие их дарования, в какой удалось им выразиться впоследствии, уже в наши дни».

В Ваши дни, Федор Михайлович, эти таланты не проявились так ярко, как расцвели они уже в наши дни. В Ваши дни была царская цензура, затем, в советское время социалистическая идеология строго следила за воспитанием талантов, и только в наши демократические дни согласно главному закону РФ, отменившему всякую цензуру (20), открылась полная свобода самовыражения. Сколько угодно и над чем угодно, смейся, паяц. Кругом смех, обман и подделка.

Достоевский: «Пушкин, и, конечно, тоже первый из писателей русских, провел пред нами в других произведениях этого периода своей деятельности целый ряд положительно прекрасных русских типов, найдя их в народе русском. Главная красота этих типов в их правде, правде бесспорной и осязательной, так что отрицать их уже нельзя, они стоят, как изваянные. (Я плохо понимаю эти слова Достоевского, а вы, читатель, понимаете? В чём правда-то? Правда в выдумке? Правда в неправде? – Г.С.) /.../ О типе русского инока-летописца, например, можно было бы написать целую книгу, чтоб указать всю важность и все значение для нас этого величавого русского образа, отысканного Пушкиным в русской земле, им выведенного, им изваянного и поставленного пред нами теперь уже навеки в бесспорной, смиренной и величавой духовной красоте своей, как свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образы такой неоспоримой правды. Тип этот дан, есть, его нельзя оспорить, сказать, что он выдумка, что он только фантазия и идеализация поэта».

Я в полном недоумении от этих слов. Тип русского инока-летописца не выдумка? А что же он тогда? Этот тип, говорит Ф.М., изваян и поставлен перед нами Пушкиным навеки. Хорошо, если он не выдумка, то покажите мне его руки и ноги. Покажите мне его кости, живые или мертвые. Но эти типы никогда не покажут своих рук, как показал их Фоме Господь, уверив его, а с ним и всех нас в Своём воскресении, потому что эти типы – выдумка. А мне говорят: «Тип этот дан, есть, его нельзя оспорить, сказать, что он выдумка, что он только фантазия и идеализация поэта». Кто-то сходит с ума: я или Достоевский? (21) Этот «тип» именно фантазия, именно идеализация поэта. А мне говорят обратное. Могу ли я помолиться этому «типу» инока-летописца? Могу ли обратиться за помощью к пушкинскому «отцу Пимену» из «Бориса Годунова», как обращаются к святой жизни

человеку, живому или умершему, тому же Преподобному Нестору Киево-Печерскому? Нет, не могу, потому что он сочинён поэтом, потому что отец Пимен – вымысел.

Достоевский: «Вы созерцаете (не лучше ли в таком случае вместо слова «созерцаете» сказать «галлюцинируете»? – Г.С.) сами и соглашаетесь: да, это есть, (где есть? на бумаге? да, на бумаге есть, и образ в голове тоже есть, но в жизни-то их нет! – Г.С.) стало быть и дух народа, его создавший есть (тип инока-летописца создал не народ, но воображение Пушкина. – Г.С.), стало быть и жизненная сила этого духа есть, и она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека».

Как в доме Облонских, всё смешалось в моей бедной голове. Только Священное Писание и может прояснить поднятую Ф.М. уже не метель, но словесную пургу. Первое, что хочется спросить: как можно, исходя из выдумки, судить о жизненной силе? А ведь именно так мыслит Ф.М., когда пишет, что, если есть великий образ, значит, есть великая сила. Неужели сила народного духа заключается в том, чтобы выдумывать типы и образы? Я отчасти понимаю, что хочет сказать Ф.М. Он хочет сказать, что если есть в народе великие Божии угодники, значит, есть народная сила, их породившая. Вернее было бы сказать иначе, т.е. поблагодарить Бога, давшему русскому народу великие образы, носящие на себе Первообраз, в лице Своих угодников. Но тогда так и надо говорить. При чём тут Пушкин и его «типы»? И чтобы убедиться в существовании Божиих угодников вовсе не обязательно открывать художественные книжки, надо открыть их Жития, или пойти к их мощам в ту же Киево-Печерскую Лавру, или к их иконам в храме.

И потом, если даже и слышится «повсюду у Пушкина вера в русский характер», то может ли быть спасение от этой веры? Вера в Бога спасает, а «вера в русский характер, вера в его духовную мощь» не может спасти, потому что *не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения* (Пс.145:3). **(22)** А нам из ложного посыла, будто вера в духовную мощь есть хорошая и верная вера, ложно заключают: «а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека». Эти слова противоречат Божественной правде, потому что *не спасается царь многою силою, и исполн не спасется множеством крепости своя* (Пс.32:16).

«Но не в поэзии лишь одной дело, не в художественном лишь творчестве: не было бы Пушкина, не определились бы, может быть, с такою непоколебимою силой (в какой это явилось потом, хотя все еще не у всех, а у очень лишь немногих) наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов. Этот подвиг Пушкина особенно выясняется, если вникнуть в то, что я называю третьим периодом его художественной деятельности».

Что ж, вникнем с Божией помощью в третий период пушкинского подвига, но прежде вникнем в содержание абзаца, в котором «наша вера в нашу русскую самостоятельность» уже, как знамя, воздвигается над головами читателей. Не этой ли веры «символ» спустя полвека окончательно сформулирует другой «пророк Есенин Сергей» **(23)** самым названием своей поэмы – «Инония»? Что же иного сообщает нам иносный пророк? Ничего. Всё та же застарелая, 7500-летняя, брызжущая слюной гордыня.

«Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера – в силе.
Наша правда – в нас!» (1918)

Прочитав этот есенинский стих, нельзя не вспомнить созвучных ему, но прямо противоположных по смыслу слов. Нельзя не вспомнить знакомого со школьной скамьи (интересно, знают ли его нынешние школьники?) боевого клича святого князя Александра Невского: «Братья! Не в силе Бог, а в правде».

Какая мудрость в этих словах! Нет Бога ни в нашей, ни во вражьей силе. Он – в правде. В чьей? Опять же: ни в нашей, ни во вражьей, но в Своей. А иной правды кроме Божией попросту нет. Нет правды человеческой. Есть только стремление человека к Божией правде, и в случае такого стремления человек может быть назван праведным. Если же стремления к Божией правде у человека нет, тогда он суетен и лжив. И не спасёт его великое имя православный, ибо не тот православный, кто таков по наружности, и не то крещение, которое наружно; как не спасло в своё время иудеев их именование, *ибо не тот иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога* (Рим.2:28,29).

Однако как чудовищно всё переменялось в русских головах со времён произнесения этого победного клича. В 1240-м «правда – в Боге», а в 1918-м «правда – в нас». В чём же причина такой подмены? Может быть в том, что, когда в 1240 году бились с немцами на Неве, то не на кого было уповать, кроме как на Бога. А когда в 1700 году вместе с немцами заложили город на Неве, то на кого уповали? Чего хотели? Чего желали? Правды Божией? Или правды своей?

«В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни, (*) –

сказал сам поэт по другому поводу, но эти слова его можно прямо применить ко всей его национальной творческой деятельности», - говорит далее в своей речи Ф.М. Достоевский.

Вникнем в смысл этих слов. В надежде славы чьей? Если Божией, то так и надо было написать. В надежде добра какого? Божественного? Или своего добра? Нас, верующих, мать Церковь научила понимать, что такое добро. Действительно, без церкви, без её служб, без святоотческого учения я бы никогда не понял, что *благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим* (Пс.118:71). Как? Смирил, унизил, наказал? Разве же это благо? Да, для человека это благо, т.е. высшее добро (25), потому что иначе он бы никогда не понял, что *благо есть надеяться на Господа, нежели надеяться на человека* (Пс.117:8). И это мы, воцерковлённые христиане, худо-бедно понимаем. А Пушкин что понимал под словом «добро»?

Весьма показательный пример того, как происходила замена Божественного блага по-своему понимаемым добром, даёт следующая пушкинская запись. «1 янв.<аря> Петр обедал у кн. Менш.<икова>; вечером, при фейерверке, освещены два щита, на одном изображена звезда с надп.<исью>: "Господи, покажи нам пути твоя", т. е. господи, покажи нам дорогу в Турцию, на другом - столб с ключем и шпагой, с надп.<исью>: "Иде же Правда, там и помощь божия". Однако бог помог не нам», - написал Пушкин в своей «Истории Петра» за 1711 год (прописные и заглавные буквы и курсив так расставлены в тексте, по-видимому, издателями).

Фейерверк и звезда вместо креста, и видоизмененный псаломский стих: *Настави мя Господи на путь Твой* (Пс.85:11), который Пушкин (не важно: сам ли, или повторяя кого-то) восхитительно толкует: покажи нам дорогу в Турцию. Так чей же, спрашивается, путь вы хотите видеть, господ**а**? Божий? Или свой собственный путь, названный вами Божиим?

Читая эти перевертыши, поневоле думаешь, что если бы и написал Пушкин в посвященных Петру «Стансах» примерно так: «В надежде Божией славы и Божьего добра / Гляжу вперёд я без боязни», как написал он «Велению Божию, о муза, будь послушна», то и в этом случае не избежал бы вопросов о том, что он понимает под словом «Божий»? Какого Бога понимает он под словом «Бог»? Но поэт таких стансов не написал, зато написал Достоевский, что первые слова этого, посвященного императору Петру, пушкинского стихотворения «можно прямо применить ко всей его национальной творческой деятельности».

Антинациональные речи

Слово «национальный» нынче привольно гуляет по территории зоопарка СМИ. Поначалу я был привлечён его зычностью, а потом стал недоумевать, о какой нации идёт речь? И лишь недавно узнал, что оно значит. И знаете, от кого? От милейшего Ивана Сергеевича Тургенева. В речи по поводу открытия памятника А.С. Пушкину в Москве (26) Тургенев проговорился: «Но можем ли мы по праву назвать Пушкина национальным поэтом в смысле всемирного (эти два выражения часто совпадают), как мы называем Шекспира, Гете, Гомера?»

Итак, национальный, значит всемирный. У-у, какой зловещий смысл для нас, верующих, это слово, оказывается, скрывает. В самом деле, слово «национальный», сказанное в Америке, будет означать «американский»; сказанное в Австралии, будет означать «австралийский»; сказанное в России, будет означать «российский». Оно значит всё и в то же время ничего. Его значение зависит от смысла, какой в него вкладывают слышащие. А для тех, кто стоит выше всякой национальности, оно значит именно то, что сказал И.С.Тургенев – всемирный.

Когда же наполнилось это слово таким смыслом? В благочестивом 19-м веке? Или 19-й век лишь снаружи был благочестив, а внутри был антихристианским, как повапленный гроб, с которым сравнивает Господь фарисеев и книжников, говоря: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты* (Мф.23:27).

Сравнивая 19-й век с повапленным гробом, надо уточнить, что мертвечиной неверия он был наполнен более сверху, чем снизу, т.е. внизу гроба мертвых костей было меньше. Но

нечистота, стекавшая сверху вниз, заражала неверием весь народный организм. Поэтому, когда мы читаем слова Достоевского о том, что «наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы», то надо каждый раз уточнять, что слово «наше» относится к верхнему слою российского общества. Надо понимать, что перечисляемые Достоевским «наша вера», «наша русская самостоятельность», «наша сознательная надежда» и «наши народные силы» как некое ноу-хау принадлежали именно ей, образованной верхушке общества, и ею уже выдавались за всенародные «веру» и «надежду» без всякого на то основания. Можно даже сказать, что вера, возвещённая «пророком» Пушкиным, была подхвачена «верхами», обоснована и закреплена интеллигенцией, а затем была спущена вниз и навязана трудовому народу

«Что я слышу? - всплеснёт руками читатель. - Воинственную марксистско-ленинскую фразеологию. Батюшка вбивает клин между Пушкиным и русским народом! Мало ему было клиньев между дворянством и простонародьем, между буржуазией и пролетариатом, между красными и белыми, теперь он хочет по основе всех основ – по вере – русский народ разделить».

Дорогой читатель, революционная фразеология это всего лишь пародия на Евангельские истины. Христианин – воин Христов. Неужели вы этого не слышали? Неужели не знаете о непрестанной духовной брани, к которой призван каждый верующий во Христа? Неужели вновь цитировать Священное Писание о том, что *несть наша брань противу крови и плоти: но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф.6:12)? Воевать, так воевать. Но необходимо уточнить, что не к Пушкину и Достоевскому наша брань, а к их идеям, а ещё точнее – к бесам, эти идеи им продиктовавшим.

Что же пугает? Что страшного в том, если вероучительное разграничение между «верхами» и «низами» или, прямо говоря, между верующими и неверующими во Христа христианами будет, наконец, проведено? И это необходимо сделать, потому что вопрос ставится уже не о земных ценностях, не о месте под солнцем в социалистическом или капиталистическом раю, вернее сказать, не возникло бы самого этого вопроса, и не было бы никакой революции, если бы тогда ещё, в 19-м веке были отделены верующие от неверующих, и вера последних была бы названа ложью. А нынче вопрос стоит уже о вечном спасении и о вечной гибели. Чего же медлить? Чего ещё ждать? Окончательного краха? Не советского только, но русского всенародного краха?

Знаю, что пугает. Страшно назвать многовековую национальную гордость (27), т.е. русскую литературу льстивым мечтанием, а её гениальных писателей – сочинителями пустых басен, как об этом говорится в Евангелии: *Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням* (2Тим.4:4).

«А как же язык? - ужаснётся читатель. - Как русский язык переживёт разлуку со своей литературой?»

Вы о языке беспокоитесь или о тех, кто им пока ещё владеет? Что толку переживать о языке, когда вопрос стоит о существовании народа? Теряя голову, плакать ли по волосам? А русский язык, если хотите знать, стал великим только благодаря церковно-славянскому языку. Церковно-славянский язык – корень, его надо беречь. Церковно-славянский язык – кость, на которой, как говорит пословица, мясо нарастёт, была бы кость цела. (28) Без церкви, без церковно-славянского языка не будет ничего: ни русской культуры, ни русского народа.

Что же? Назовём ли вслед за Достоевским выдуманные истории наших великих литераторов «правдой бесспорной и осязательной»? Будем ли по-прежнему восхищаться татьяной лариной и братьями карамазовыми, замещая живых русских Святых вымышленными литературными героями? Будем ли, помня Святых и украшая им гробницы, подражать не им, но рахметовым и базаровым, а нынче уже не им, но пошло-тупым американским киногероям и поп-звёздам? Хотим ли мы так жить? А если не хотим, то давайте разбираться, откуда беда началась? Откуда и почему началось у нас это не просто пустое, но именно пагубное для души и для вечной жизни подражание, когда вместо спасительных живых примеров Святых (29) нам стали подсовываться в образцы мёртвые литературные герои? Откуда? Да вот отсюда: «Все эти сокровища искусства и художественного прозрения оставлены нашим великим поэтом как бы в виде указания для будущих, грядущих за ним художников, для будущих работников на этой же ниве. Положительно можно сказать; не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов. По крайней мере не проявились бы они в такой силе и с такою ясностью, несмотря даже на великие их дарования, в какой удалось им выразиться впоследствии, уже в наши дни».

Так и хочется воскликнуть: слава Пушкину, великому учителю виртуальности! Кстати, вышеупомянутая речь Тургенева этой мыслью и заканчивается: «Будем также надеяться, что в недалеком времени даже сыновьям нашего простого народа, который теперь не читает нашего поэта, станет понятно, что значит это имя: Пушкин! - и что они повторят уже сознательно то, что нам довелось недавно слышать из бессознательно лепечущих уст: «Это памятник - учителю!» (1880).

Памятник учителю? По прошествии 130 лет спросим себя откровенно: чему хорошему научил Пушкин «сыновей нашего простого народа», когда они, как предсказал Тургенев, поняли-таки, что значит это имя? Во-1-х, он научил их читать выдуманную литературу вместо Священного Писания и Житий. (30) А во-2-х, подражать американским героям, когда те превзошли советских героев виртуальной силой.

И чтобы уже до конца раскрыть всем глаза на свои коварные антинациональные замыслы, вспомню сказанную Господом притчу о злых виноградарях. Она была произнесена Им в последние дни земной жизни, в Великий вторник. Помните? *Человек некий бе домовит, иже насади виноград...* (Мф.21:33). Сперва были побиты и убиты всё посланные от хозяина к виноградарям слуги, а затем и самый сын его. *Они же тяжателе реша к себе, яко сей есть наследник: приидите, убием его и наше будет наследство* (Мк.12:7). *Виноградари сказали друг другу: это наследник; поидем, убьем его, и наследство будет наше.*

«Как?! - вознегодует читатель. - Сравнивать наших великих писателей с иудейскими книжниками вплоть до убийства Сына Божия? Это уже чересчур. Можно, конечно,

обвинить литературу в грехе празднословия. Но обвинять писателей в Богоубийстве? Это вы, батюшка, хватили лишку».

А я говорю вам, что это именно тот случай, когда художественная литература до такой степени возобладали в умах и сердцах людских, что готова была подменить собой, особенно в верхних образованных слоях общества, и подменила-таки Евангельские истины. А разве такая подмена не равнозначна убийству Господа? Разве не завладели российские литераторы, как *приточные тяжатели*, принадлежащим Богу виноградником людских душ, и разве не пользовались они им для себя вместо того, чтобы приносить Ему *плодов из виноградника* (Лк.20:10)? Заключил же Господь Свою притчу словами: *Неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Это от Господа, и есть дивно в очах наших?* (Мф.21:42).

О каком камне речь? Камень этот есть воплотившийся Христос Бог. Почему же он назван дивным? Потому что те из строителей, то бишь литераторов-каменщиков, писателей-художников и прочих инженеров-менеджеров человеческих душ, *кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит* (Мф.21:44). Воистину, нет удивительнее Камня.

Заметим ещё, что в словаре масонских терминов сказано: «Камень – один из основных масонских символов, означающий душу человека. По масонской фразеологии «обтесывать свой камень» означает самосовершенствоваться».

Мы уже говорили, что масонская фразеология, а также марксистско-ленинская и все другие фразеологии пародируют Евангельские смыслы и знаки. Предельно обобщенно можно сказать так. Все слова пародируют Слово Божие, т.е. каждое по-своему передразнивают Его, когда хотят что-то из себя соорудить помимо Него или якобы сверх Него. Все догмы и теории, системы и учения, которые дают будто бы новое знание, на самом деле являются опасными для здоровья подделками Евангельской истины.

Масонский образ «камня-души» тоже взят из Священного Писания и тоже подделан. Потому что, если для христианина сей дивный камень это – Сам Господь, о чём говорит и Он, и пророк Исаия, и пророк Даниил: *камень отторгнут был от горы не руками и раздробил железо, медь, глину, серебро и золото* (Дан.2:45), то масоны сравнили с ним душу человека.

Впрочем, православие, как основание всех символик, хорошо знает и это сравнение. Потому не могли они *веровать, что, как еще сказал Исаия, народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое...* (Ин.12:39-40). О ком это сказано? Об одних ли только иудеях и масонах? Не о моём ли окаменелом сердце, которое тоже не может *веровать так, чтобы сказать горе сей: преиди отсюда тамо, и преидет* (Мф.17:20)? Не о моей ли окаменевшей душе, которая будь она живой и истинно верующей, то не знала бы ничего невозможного, сказаны эти слова пророком Исаией?

«Отыми сердце каменное от плоти *на*шея, и даждь сердце *плот*яное боящееся Тебе, любящее, почитающее, Тебе последующее и Тобою питающееся», - молится Святитель Амвросий Медиоланский.

Господь Иисус Христос – главный Каменщик моей души. Впрочем, в русских условиях сподручнее мыслить в деревянных стройматериалах: брёвнах, досках, чурбаках... Моя душа – полено, Иисус Христос – плотник. Если хочешь, строгай, Господи! (ср.Мф.8:2)

Сын блаженного послушания

Но дослушаем Достоевского, говорящего о третьем периоде пушкинского творчества. «Еще и еще раз повторю: эти периоды не имеют таких твердых границ. Некоторые из произведений даже этого третьего периода могли, например, явиться в самом начале поэтической деятельности нашего поэта, ибо Пушкин был всегда цельным, целокупным, так сказать, организмом, носившим в себе все свои зачатки разом, внутри себя, не воспринимая их извне. Внешность только будила в нем то, что было уже заключено во глубине души его».

Как жемчужина растёт вокруг крупы, так цельность не может возникнуть из каши. Поэтому зададим Федору Михайловичу вопрос: что же было той крупой, на которой выросла жемчужина пушкинской целокупности? На каком стержне держится его гармония? Отличительную черту пушкинского творчества Ф.М. отметил так: «гордый-то человек» реален и метко схвачен. В первый раз схвачен он у нас Пушкиным, и это надо запомнить». И это мы очень хорошо запомнили. Но что значит «схвачен»? Из слов Ф.М. можно подумать, что писатель хватает образы, как кот мышей. На самом деле, всё наоборот: мышкой бегают писательская душа, а духовные образы хватают и пленяют её.

О том, кто кого хватает, мы говорили в «Цыганском таборе». Духовный мир овладевает душой человека. Слишком самонадеянно с нашей стороны думать: «мы думаем». О привнесённости мыслей извне говорит само это выражение: «мысль пришла в голову». Стало быть, всякий, кто понимает, что он существует не сам по себе, но поставлен на ступеньках спущенной от Бога лестницы, должен спросить пришедшую к нему в голову мысль точно так, как Иисус Навин спросил незнакомца: *наш ли еси, или от сопостат наших?* (Нав.5:13). Должен испытать, откуда пришла эта мысль. От своих или от чужих? От ангелов или от аггелов? От помощников или от врагов нашего спасения? Всё это нужно хорошенько разузнать, а потом уже ответить: да или нет.

Федор Михайлович, конечно, понимал, что та или иная идея, вдруг возникающая в наших головах, есть результат соприкосновения человеческого ума с миром духовных сил. Он отлично понимал эти вещи, раз говорил о борьбе дьявола с Богом. «Дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». Эти слова Достоевского вместе со словами «мир спасёт красота» сделались расхожими. Тем, кто их к месту и не к месту цитирует, полезно чаще заглядывать в их контекст.

Достоевский: «Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом Содомским. Еще страшнее кто уже с идеалом Содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его, и воистину, воистину горит,

как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Чорт знает, что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В Содоме ли красота? Верь, что в Содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, - знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы - сердца людей. А впрочем что у кого болит, тот о том и говорит». Так маска «Дмитрий Карамазов» говорит маске «Алёша Карамазов». Том 1, часть 1, книга 3, глава 3 «Исповедь горячего сердца. В стихах». А слова «мир спасёт красота» сказаны «князем Мышкиным» в «Идиоте». Часть 3, глава 5.

Но мы опять ушли в сторону. Перед нами отмеченная Достоевским особенность двух произведений Пушкина – «гордый человек». Может, эта особенность и является ключевой мыслью всего пушкинского творчества? Конечно, Ф.М. упорно старается смирить героев-гордецов Алеко и Онегина и силится доказать, что в призыве ко смирению кроется разгадка пушкинского творчества, но ничего убедительного у него не выходит, во всяком случае, меня доводы Ф.М. не убеждают. Гордость проникает целокупный пушкинский организм.

Мы неоднократно цитировали статью К.Кедрова «Под градусом Пушкина» за что получили от читателя замечание: «Надо было вам Кедрова целиком перепечатать в качестве предисловия своей статьи. Он много больше вам дал, нежели вы скромно на него ссылаетесь 5-7 раз. А, говорят, сам Кедров масон?» Что тут отвечать, дорогой читатель? Обращение к этому автору вовсе не означает нашего с ним согласия. Просто первое, что попало в интернете по запросу «Пушкин масон», была эта статья Кедрова. А наши православные литераторы не то чтобы писать, слушать ничего не хотят, и только обморочно закатывают глаза, когда им говорят, что Пушкин – масон. Вот и остаётся священнику к масонам за помощью обращаться, и писать поспешу и небрежно то, что православные мастера слова, если они на деле, а не на словах только православные, сами должны усердно говорить.

Поэтому потерпите, читатель, мы опять процитируем Кедрова: «Когда речь идет о масонстве Пушкина или позднее Блока, следует понимать, что это чисто эстетическая причастность к новой символической. Представить себе Пушкина или Блока в роли покорных учеников у какого-нибудь мастера ложи, который и в подметки им не годится, невозможно, да и не нужно».

Эти слова вызывают два возражения. Первое. Что такое «чисто эстетическая причастность к новой символической»? Чисто эстетической причастности к чему-либо не бывает и быть не может. Всё «нечисто», всё замешано «на политике», т.е. на вопросе вечного спасения. *Кто не со Мною, тот против Меня*, поэтому даже в самой символической *кто не собирает со Мною, тот расточает* (Лк.11:23).

И второе. Самый тон, с которым написаны эти слова, обличает очередного гордеца пушкино-блоковского круга, только ростом пониже. Что значит «мастер ложи, который и в подметки им не годится»? Если ты пришёл в ложу за «высшим знанием», значит, ты должен проявить послушание уже потому, что мастер выше тебя «градусом». Это как в армии. Будь ты хоть Блок, хоть трижды Пушкин, ты должен слушать приказы командира и

выполнять их. Когда будешь сам командиром, тогда будешь командовать другими. *Ученик не бывает выше своего учителя; но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его* (Лк.6:40).

В самом деле, разве может быть ученик больше своего учителя? И, кажется, что эти слова Господа легко понять, но попробуй понять их не умом, а на деле. Попробуй, придя в церковь, придя монастырь, придя в ту же ложу, от прихода в которую да уберёжёт (!) всех нас милостивый Господь, и куда точно приходить не надо, потому что там глаза завязывают, попробуй смириться и отдать себя в послушание тому, кто тебе «в подмётки не годится». Вот тогда-то всё и начнётся, тогда и полезет «гордый человек» изо всех щелей твоего целокупного организма.

Нецерковный человек понять этого не может, потому что он послушания не проходил. Нецерковный человек не может понять даже того, что словами про «подмётки» он не только своего гордеца выставил напоказ, но вместо похвалы объявил масонам Пушкину и Блоку выговор в непослушании и публично их обличил. Но чтобы нам хоть теоретически узнать, что такое послушание, обратимся от поэтов и выдуманных литературных героев к живому примеру, святому Иоанну Дамаскину († 4/17 декабря ок.780). О, это вам не Пушкин.

«Преподобный Иоанн Дамаскин творец Октоиха и 64-х канонов, из которых самый возвышенный, торжественный и светлорадостный канон на Святую Пасху. Святым Иоанном Дамаскиным составлена вся Пасхальная служба, после которой в образцах человеческого творчества нельзя найти другой песни, более полной чувствованиями столько же живыми, сколько и высокими, восторгами святыми и истинно неземными. Каноны на Рождество Христово, Богоявление Господне, Вознесение Господне со стихирами приближаются к Пасхальному. Воскресные службы его столько же превосходны по поэтической силе, сколько и по догматическому содержанию. Замечательны также его антифоны и песни надгробные – образцовые и трогательные песни кающейся души. Все они вошли в последование погребения усопших и употребляются в Православной Церкви до настоящего времени. Вообще Дамаскин – такой песнописец, выше которого ни прежде, ни после не было в Церкви. Кроме песнопений, святой Иоанн Дамаскин прославился своими богословскими сочинениями, которые дают ему почетное место между великими отцами Церкви. Трех главнейшим своим сочинениям: диалектике, книге о ересьях и изложению веры, совершенно различным по предмету, он дал одно общее название «Источник знания». Важнейшим из них является «Изложение православной веры», составляющее стройное и последовательное учение о созерцательных истинах Откровения, ставшее образцом для богословов восточных и западных. Наконец, важную услугу Дамаскин оказал чину богослужения, пересмотрев и дополнив устав Иерусалимский, составленный преподобным Саввою Освященным, и составив месяцеслов».

Нет, Дамаскин решительно не Пушкин, но даже своего великого Иоанна Дамаскина святая Церковь не назвала пророком, а только «златоструйным песнописцем». Как же этот святой муж проходил послушание у того, кто ему «в подмётки не годился»?

Старец-простец, принявший в свою келию Иоанна, который при вступлении в Лавру святого Саввы оставил министерскую (!) должность при дворе калифа, «положил ему такие правила, чтобы Иоанн не имел в уме своем ничего мирского; не только не представлял в воображении каких-либо неприличных образов, но хранил бы ум свой неприкосновенным и чистым от всякого суетного пристрастия и пустой гордыни; чтобы не хвалился своей мудростью и тем, чему научился, и не думал бы, что может постигнуть все в совершенстве до конца; чтобы не домогался каких-либо откровений и познания сокровенных тайн; не надеялся бы до конца жизни на то, что разум его непоколебим и не может согрешить и впасть в заблуждение; напротив, пусть знает, что помышления его немощны и разум может погрешить, а поэтому пусть старается не допускать рассеиваться помышлениям своим и пусть заботится сосредоточить их воедино, чтобы таким образом ум его просветился от Бога, душа освятилась, и тело очистилось от всякой скверны; пусть тело и душа его соединятся с умом и будут три во образ Святой Троицы». Старец также запретил Иоанну, широко известному всему Греческому царству своими писаниями в защиту иконопочитания, всякое писательство.

Но однажды случилось Иоанну провиниться. По неотступным просьбам лаврского инока, скорбевшего об умершем брате, он написал надгробные тропари, за что Старец выгнал Иоанна из келии и наложил на него епитимию, сказав, что если он хочет получить прощение за свое непослушание, пусть очистит своими руками проходы всех келий и вымоет все смрадные места в лавре. Что же Иоанн? «Он начал с усердием исполнять повеление, касаясь нечистот теми руками, которые прежде умащал разными ароматами, и оскверняя нечистотами ту десницу, которая чудесно была исцелена Пречистой Богородицею. О, глубокое смирение чудного мужа и истинного послушника! Умилился старец, увидав такое смирение Иоанна, и, придя к нему, обнял его и целовал голову, плечи и руки его, говоря: - О, какого страдальца о Христе сделал я? Вот истинный сын блаженного послушания!

Иоанн же, стыдясь слов старца, пал ниц перед ним, как перед Богом, и, не превозносясь похвальными речами отца, но еще больше смиряясь, молил, чтобы он простил прегрешение его. Взяв Иоанна за руку, старец ввел его в свою келию. Иоанн так обрадовался сему, как будто ему возвратили рай, и жил он со старцем в прежнем согласии».

Вот такая непридуманная история истинного послушания. А вы говорите: целокупные подмётки...

Перевоплощайтесь!

Нерв пушкинского творчества – гордость. Вернее сказать, она – крючок, за который Пушкин был зацеплен бесом, и на который попеременно стали цепляться маски то грустные, то смешные, как в театре.

Однако подивимся, какие другие черты помимо «смирения», характерного для 1-го и 2-го творческих периодов, подметил Достоевский у возросшего годами целокупного Пушкина? «Таким образом, к третьему периоду можно отнести тот разряд его произведений, в которых

преимущественно засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении».

Латинское слово «гений» помимо 1) «высшей степени одарённости», означает также 2) «в древнеримской мифологии духа-покровителя, сопровождающего человека в течение всей жизни и руководящего его действиями и помыслами; позже – вообще доброго или злого духа». Воплотить гений народа, значит, воплотить дух, который покровительствует народу? Если мы правильно поняли Достоевского, то высшей похвалы поэту быть уже не может. Ибо то, чего желает достичь, как заветную цель, каждый национальный певец – воплотить в своих произведениях дух своего народа – достигает поэт Пушкин. После похвалы в «смирении» другая, ещё более «скромная» похвала достаётся «пророку» Пушкину от Достоевского.

Достоевский: «Самые величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призвания, как мог это проявлять Пушкин. Напротив, обращаясь к чужим народностям, европейские поэты чаще всего перевоплощали их в свою же национальность и понимали по-своему. Даже у Шекспира его итальянцы, например, почти сплошь те же англичане. (Поверим на слово прожившему за границей постоянно и наездами около шести лет. – Г.С.). Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность. Вот сцены из "Фауста", вот "Скупой рыцарь" и баллада "Жил на свете рыцарь бедный". Перечтите "Дон-Жуана", и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец. Какие глубокие, фантастические образы в поэме "Пир во время чумы"! Но в этих фантастических образах слышен гений Англии; эта чудесная песня о чуме героя поэмы, эта песня Мери со стихами: «Наших деток в шумной школе / Раздавались голоса», - это английские песни, это тоска британского гения, его плач, его страдальческое предчувствие своего грядущего. Вспомните странные стихи: «Однажды странствуя среди долины дикой...»

Опять в путь? Опять не сидится этим странным людям в указанном от Бога углу: в дворянском имении, в избе, в келии, в квартире... Почему их, если не телом, так умом по всему миру носит? Почему? Потому что они оторваны от Бога.

Они – оторванные от Бога скитальцы, но ведь и мы от Бога оторваны. И мы в этой жизни – странники. *Яко пресельник аз есмь у Тебе и пришлец, якоже вси отцы мои* (Пс.38:13), - плакал Пророк Давид. В чём же разница? Разница в том, что странствие *погибших овец дома Израилева* (Мф.15:24) – временное, тогда как странствие овец, которые своей погибели, т.е. греховности не хотят видеть, может стать вечным. **(31)**

Господь тоже странствовал. Ему даже для рождения не нашлось места в человеческом жилище, и родился Он в вертепе, среди странников, пастухов и мудрецов, приведённых странной звездой к Богомладенцу. Он Сам, как Пастырь, ходил по земному пастбищу, собирая рассеянное стадо *погибших овец дома Израилева*, т.е. слышащих и хотящих слышать спасительный голос Бога и своей с Ним со-вести. Господь странствовал потому, что Он был на землю послан. Сыновней трапезой было исполнение Отцовской воли. *Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его* (Ин.4:34). Стало быть, бессмертной трапезой всякого верующего является познание и совершение воли Божией. **(32)** Весь вопрос в том: как её познать и совершить?

Воля Божия была возвещена Адаму: возделывай рай и не вкушай плодов запретного дерева. *И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт.2:15-17).

И для потомков Адама воля Божия остаётся прежней: возделывай сад своей души и не вкушай плодов от дерева познания добра и зла, потому что – не время. Но придёт час, когда эти плоды Господь Сам протянет тебе. Это значит, что для исполнения воли Божией, не нужно ничего искать. Душа человека всегда под его рукой – возделывай. И запретное дерево посреди души стоит (*ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, - все это зло изнутри исходит и оскверняет человека* (Мк.7:21-23)) – не вкушай. Чего же ты, мятежный, ищешь? Чего не хватает суетным человекам? Потерянного рая? Он – внутри тебя. Когда найдёшь его в душе и восстановишь мир с Богом, тогда весь мир станет раем. Поэтому от всех душевных странствий избавляет Господь тех, кто пристал к Его Церкви – несокрушимой скале посреди житейского моря.

«12. Сего человека, почтив свободой, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чем и вложившему семена оно, **Бог поставил в раю (что бы ни означал сей рай) делателем бессмертных растений - может быть, божественных помыслов, как простых, так и более совершенных** (выделено мной. – Г.С.); поставил нагим по простоте и безыскусственной жизни, без всякого покрова и ограждения, ибо таковым надлежало быть первозданному. Дает и закон для упражнения свободы. Законом же была заповедь: какими растениями ему пользоваться и какого растения не касаться. А последним было древо познания, и насажденное вначале не злонамеренно, и запрещенное не по зависти (да не отверзают при сем уст богоборцы и да не подражают змию!); напротив, оно было хорошо для употребляющих благовременно (потому что древо сие, по моему умозрению, было созерцание, к которому безопасно могут приступать только опытно усовершенствовавшиеся), но не хорошо для простых еще и для неумеренных в своем желании; подобно как и совершенная пища не полезна для слабых и требующих молока». (Святитель Григорий Богослов. Слово 38, на Богоявление, или на Рождество Спасителя).

Однако возникает вопрос. Как различить вкус плодов добра и зла, если нельзя прикасаться к дереву, на котором они растут? Это вопрос из другой области, мы же пока продолжаем чтение книг льстецов, которые предлагают *научения странна и различна* (Евр.13:9), т.е. познание добра и зла через незаконное (помимо Креста) вкушение плодов запретного дерева.

Достоевский: «Вспомните странные стихи: «Однажды странствуя среди долины дикой...» Это почти буквальное переложение первых трех страниц из странной мистической книги, написанной в прозе, одного древнего английского религиозного сектатора, - но разве это только переложение? В грустной и восторженной музыке этих стихов чувствуется самая душа северного протестантизма, английского

ересиарха, безбрежного мистика, с его тупым, мрачным и непреодолимым стремлением и со всем безудержем мистического мечтания. Читая эти странные стихи, вам как бы слышится дух веков Реформации, вам понятен становится этот воинственный огонь начинавшегося протестантизма, понятна становится, наконец, самая история, и не мыслью только, а как будто вы сами там были, прошли мимо вооруженного стана сектантов, пели с ними их гимны, плакали с ними в их мистических восторгах и веровали вместе с ними в то, во что они поверили».

Если описанные Достоевским впечатления от стихотворения Пушкина переживались им действительно так, как он пишет, т.е. «не мыслью только, а как будто вы сами там были, прошли мимо вооруженного стана сектантов, пели с ними их гимны, плакали с ними в их мистических восторгах и веровали вместе с ними в то, во что они поверили», то, признаюсь, что делать такие открытия о православном писателе Достоевском, всё равно что наготу своего отца открывать. Но ведь он сам себя публично обнажает, сам признаётся в том, что неприлично признавать, и не видит в этом никакого неприличия, напротив – восторг и ликование.

Мне неловко за писателя Пушкина, неловко за писателя Достоевского, почитаемых православными. Но будем надеяться, что в этих своих признаниях Достоевский оказывается больше, чем когда-либо писателем, то есть жонглёром красивых фраз. И этим предложением прикроем сей стыд. Что же касается стихотворения «Странник», то вновь обратимся к К.Кедрову. «Если же смотреть непредвзято, станет ясно, что вся поэзия Пушкина насквозь пронизана масонской символикой. Он был масоном с юности и оставался им до конца своих дней. \...\ Одно из последних стихотворений поэта «Странник» все пронизано символами, над которыми размышляет ищущий высшего знания. Замечательные стихи, предсказывающие уход Льва Толстого из Ясной Поляны, не стали популярными».

Вот и встали они рядом, да и не могли не встать: Пушкин, Толстой и Достоевский, восторженно размахивающий «Странником». Написанное незадолго до смерти, в 1835 году, стихотворение, и впрямь, предсказывает бегство Толстого из Ясной Поляны. Но не потому ли предсказывает, что писательские итоги обоих художников, Толстого и Пушкина, одинаковы? Бегство из родного дома, бегство из религиозного дома, т.е. из Православной Церкви, бегство от Бога... Порядок перечисления бегств должен быть, конечно, обратным, поскольку начинается всё от Бога. Но куда от Бога бежать? Только в вечное скитание, в замкнутую в самой себе масонскую восьмёрку, означающую бесконечность.

Но оставим желающим рассмотрение пушкино-достоевско-толстовских связей, заодно и разгадывание масонской символики, пронизывающей «Странника». Протестантские ли они, как говорит Достоевский, или масонские, как говорит Кедров, нам уже без разницы: эти стихи и эти связи – безбожны. Тем же, кто стоит на спасительном якоре Православной веры, к чему странствовать по пустым вымыслам, фантазиям и символам? Однако дочитаем Пушкинскую речь, раз уж взялись.

Достоевский: «Кстати: вот, рядом с этим религиозным мистицизмом, религиозные же строфы из корана или «Подражания корану»: разве тут не мусульманин, разве это не самый дух корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила ее? А вот и древний мир, вот «Египетские ночи», вот эти земные боги, севшие над народом своим богами, уже презирающие гений народный и стремления его, уже не верящие в него более, ставшие впрямь уединенными богами и обезумевшие в отъединении

своим, в предсмертной скуке своей и тоске тешащие себя фантастическими зверствами, сладострастием насекомых, сладострастием пауковой самки, съедающей своего самца».

Как не хотелось мне пачкать своих заметок непристойностями, как не берёгся я от неприличных выражений, но приходится их употреблять. Огонь реформации, меч корана, египетские ночи, земные боги... Тьфу, экуменизм какой-то! Ну, а каким ещё словом назвать эти собранные здесь воедино разности? Только экуменизмом. **(33)** И это ругательство для православных христиан должно быть неприличнее, чем «сладострастие пауковой самки, съедающей своего самца».

Но сделайте же вывод, Федор Михайлович. Не тяните, уже нет сил читать Ваше экуменичество. Протестантство, мусульманство, языческое сладострастие... Скажите, зачем всё это нужно православному человеку?

Достоевский: «Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде, ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк».

И в этом маскараде – пророчество? В этом балагане – народность? В этих «перевоплощениях своего духа в дух чужих народов» – национальная русская сила? В этом «великое грядущее назначение» русской силы, чтобы «перевоплощаться вполне в чужую национальность»? Я уже ничего не понимаю, Федор Михайлович, Вы это серьезно? Да Вы ли это говорите? Может, уже не Вы? Может, какой-либо из Ваших типических злодеев через Вас вытаскивает на свет Божий этот бред?

Вывод выходит страшнее самих речей. Оказывается, русскость по Достоевскому заключается в почти совершенном перевоплощении своего духа в дух чужих народов. **(34)** Читатель, скажите, что я не прав. Одёрните меня, осадите, окатите ведром холодной воды. Это русский-то человек станет перевоплощаться? Это Сергей Радонежский стал бы примерять на себя чужую национальность? **(35)** Или Александр Невский, ответивший папе, что веру отцов знает без папы, стал бы, подобно Пушкину, **(36)** воображать себя то сектатором, то дон жуаном, то мусульманином? Что за бред? Да и как это возможно, чтобы дух одного человека стал бы в дух другого человека воплощаться? Или, может, русский крестьянин, весь отданный во власть земли **(37)**, стал бы наряжаться во всемирность и всечеловечность? Да он слыхом не слыхивал, что это такое. Незачем ему, да и некогда этими барскими глупостями заниматься.

А, кстати, что это такое? Может, это та самая всечеловечность, о которой говорит Апостол Павел, что *будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для*

Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых. Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его (1Кор.9:19-23). Может, для того нужна всемирная русская отзывчивость «в изумляющей глубине её», чтобы, подобно Апостолу Павлу, всем себя поработить и стать для всех всем, и через это приобрести Христу хотя бы некоторых?

О, если бы это было так. Я бы ниц упал перед Достоевским, как упал Иоанн Дамаскин пред своим Старцем. Но ведь это не так. Не так. А почему? Да потому что Христа Достоевский, молчу уже о Пушкине, понимает далеко не по-Апостольски, но по-своему. По-своему? Это как?

«Ради вселенского братства людей радуюсь песней я смерти твоей»

Предлагаю приостановить разбор пушкинской речи Достоевского и перевести дыхание, поскольку слышу читательское негодование: «Неужели великого Достоевского, наше культурное достояние, нашу национальную гордость, нашего поборника православия батюшка намерен низвести в сословие книжников и фарисеев?»

Увы, брат читатель, вся светская литература без различия имён одного свойства. На каждой не имеющей благословения от Священноначалия книге можно ставить штамп: «осторожно: душевный яд». Пишут же нечто подобное на пачках сигарет. Правда, делают это, кривя душой. Вместо того, чтобы на каждой сигарете написать: «яд», пишут где-то сбоку пачки и мелким шрифтом: «курение вредит вашему здоровью». Вся светская литература вредит вашему здоровью, читатель. Однако яд литературы Достоевского можно назвать наиболее полезным. Советую вам не пробовать сотни других литературных ядов, но воспользоваться этим. Почему? Потому что в замыслах и превозношениях (ср. 2 Кор.10:6) Достоевского, прочитывается много больше, чем социализм в отдельно взятой стране, в них предлагается всемирное счастье.

Читая далее пушкинскую речь, мы то и дело будем наткаться на слова «всемирность», «всечеловечность», «всечеловек» и т.д. Но, чтобы не водить читателя вокруг этих слов кругами, а потом вдруг ошарашить его выводом, и чтобы не подтвердилась на мне пословица «долго запрягает, зато быстро ездит», хочу сразу же впрямь читательскую мысль в существо дела.

В «Дневнике писателя» за 1876 год есть глава «Утопическое понимание истории», и в ней слова: «Таким образом, через реформу Петра произошло расширение *прежней* (курсив автора. – Г.С.) же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве, и не могли не сознать, что назначение и роль эта не похожи на таковые же у других народов, ибо там каждая народная личность живет единственно для себя и в себя, а мы начнем теперь, когда пришло время, именно с того, что станем всем слугами, для всеобщего примирения. И это вовсе не позорно, напротив, в этом величие наше, потому что всё это ведет к окончательному единению человечества».

Здесь, пожалуй, всё и сказано. Реформа Петра - расширение московской идеи - для всеобщего примирения станем слугами - окончательное единение человечества. Теперь, читатель, держитесь крепче. Если это не программа антихриста, то, что это? Кто другой, если не антихрист, хочет окончательного единения человечества, чтобы окончательно подчинить его себе? Знал бы Достоевский, что он пророчествует, он бы ужаснулся.

Читая через столетие его восторженные слова о том, что «назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком* (выделено автором. - Г.С.), если хотите», я мог бы показать Федору Михайловичу обращённую в пустыню русскую жизнь и спросить его: «Этого всечеловечества Вы желали русскому человеку? Такая жизнь Вам грезилась в Ваших литературных мечтах? Эта земля была при Вас цветущим кривом, а нынче она превращена в пустыню с высящимися пирамидами городов-миллионеров, выращивающими в своих инкубаторах провозглашённых Вами «всечеловеков». Такого братства всех людей Вам хотелось?»

Но разве он сам этого не видит? Разве не доносятся ему скорбные вести с родной земли? Разве, слыша их, не обливается он слезами? Зачем же сыпать соль на раны? Зачем покоршунски терзать писателя, как прикованного Прометея? Но почему? Почему вместо православного вышло сперва социалистическое, а потом демократическое «братство»? (38) Потому что не в послушании Христовой церкви – хранительнице истины, но в своих литературных мечтаниях хотел видеть Достоевский правду. Потому и не разглядел, не смог разглядеть, кто скрывался за его «всечеловеком»? Кто примерял на себя маску «всемирной отзывчивости»? Кто? Советский человек. Впрочем, советский – это тоже маска.

Русский человек советского пережил. Великой ценой! Переживёт ли грядущего «всечеловека»? Переживёт ли грядущего на смену советскому человеку всемирного богоборца и предателя – мирового Иуду? Нет, не переживёт, если не оставит литературных бредней и не обратится к матери Церкви, возраставшей и воспитавшей русского человека, но недоглядевшей и отдавшей его на коммунистическое растерзание великой «русской» литературе в угоду её горделивым замыслам.

Помните, читатель, мы говорили о вере Ф.М. Достоевского «в нашу русскую самостоятельность»? И имя самозванного пророка этой веры, Сергея Есенина прозвучало? Приходится вновь ставить его рядом с Достоевским по причине упомянутого последним мирового братства.

«Ради вселенского
Братства людей
Радуюсь песней я
Смерти твоей». («Иорданская голубица», 1918).

Чью смерть радостно поёт Есенин? Смерть отчавившей Руси. Почему он называет её отчавившей, если поёт ей смерть? Он спешит, потому что *время уже коротко* (1Кор.7:29).

Он спешит оттолкнуть её от родных берегов и похоронить, отправить в вечное пагубное странствие:

«Лети, лети, не бойся,
Всему есть час и брег.
Ветра стекают в песню,
А песня канет в век».

Во-1-х, другого спасительного берега для отчаливших от святоотческих берегов уже не будет. А во-2-х, неужели не чувствовал далеко недюжинный поэт, что слово «канет» для радостных строк не годится? Ибо выражение «песня канет в век», значит, песня сгинет навсегда. Но, может, для Есенина это слово имело иной смысл, чем для справляющихся со словарём Ожегова: «Кануть – 1) упасть каплей (устар.); 2) Бесследно пропасть, исчезнуть. «Кануть в вечность или в прошлое» – исчезнуть навсегда. «Кануть в Лету» – бесследно исчезнуть из памяти людей (Лета – река забвения в греческой мифологии)»? Нет, именно такой смысл, как только что прочли мы у Ожегова, вкладывает в слово «канет» поэт, о чём говорит он сам:

«Рухнули гнёзда
Облачных риз
Ласточки-звёзды
Канули вниз»

Вот здесь слово «канет» стоит на своём месте, потому что оно завершает эту и предыдущую – главную строфу такого содержания:

«Друг... Ты откуда?»
«Шёл за Тобой...»
«Кто ты?» – «Иуда!» -
Шамкнул прибой». («Пришествие», 1917).

Что же выходит? О Руси и об Иуде одинаково просто: «канут»? Лети, Русь, не бойся, и канешь в век... Что это? Недопонимание или злая насмешка? Не будем вникать в этот вопрос, оставим. Время уже коротко, нам бы успеть с собой разобраться. (39)

«Крепкий и сильный
На гибель твою...»

На гибель свою, несчастный Сергей Александрович. Чуть было не написал: Александр Сергеевич, а написал бы – не ошибся.

«Братья мои, люди, люди!
Все мы, все когда-нибудь
В тех благих селениях будем,
Где протоптан Млечный Путь» («Иорданская голубица», 1918).

Вон Ваш брат, Сергей Александрович, из пенного прибоя, как блудная Афродита, выходит из написанной Вами в октябре 1917 года поэмы «Пришествие». Вот Вы с ним в ваши

«благие селения» млечного пути идите, летите, скачите. А нас, пожалуйста, оставьте с Господом, Который никогда не обещал крестьянам «вселенского братства», никогда не говорил о единении человеческом. Напротив, откройте Евангелие и убедитесь, что всё оно говорит об обратном – о разделении всего: стран, народов, людей, семей, домов, даже самого человека мечом обоюдоострым – Словом Божиим.

Исторически необходимое недоразумение

Живо бо слово Божие и действенно, и острейше паче всякого меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет (Евр.4:12).

Чего мудрить и что утаивать от Бога? Кого нам ещё обманывать кроме самих себя? Сколько можно кривляться перед Ним и людьми? Действительно, всё тело в ранах, и бить уже не во что, как вопиет Пророк Исаия: *Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необязанные и не смягченные елеем. Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнем; поля ваши в ваших глазах съедают чужие; все опустело, как после разорения чужими (Ис.1:5-7).* А всё подавай имперское сознание, стремись к всемирности и всечеловечности...

Достоевский: «Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?» Вы это утверждаете или спрашиваете, Федор Михайлович? Если утверждаете, то знайте, что эти мысли надул Вам в уши гордый богомерзкий дух. А если спрашиваете, то знайте, что сила духа русской народности – во Христе Боге и Его Церкви, а не в стремлении к всемирности. Впрочем, если Вам жить без всемирности не в мочь, «ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоиться: дешевле он не примирится», то ведайте, что *аще быша людие Мои послушали Мене, Израиль аще бы в пути Моя ходих, ни о чесом же убо враги его смирил бых, и на оскорбляющие их возложил бых руку Мою (Пс.80:14-15).* «Ни о чесом», т.е. в ничто смиряет Господь врагов людей Своих, если только Его люди живут по Божиим заповедям. Вот и вся всемирность. И устраивается она Богом, а не людьми, потому как слова Псалтири есть Его, Божие слово, а не людские выдумки.

А ведь так и было в допетровской Руси, что мирная всемирность устраивалась и расширялась сама собой, т.е. по Божьему велению, вокруг жившего в Церкви русского народа. Но со времён Петра она стала устраиваться горделиво и самочинно теми оторванными от Церкви и от народа людьми, которые воодушевляясь самозванными пророками от литературы, устанавливали звезду «с надписью: "Господи, покажи нам пути твоя", т. е. господи, покажи нам дорогу в Турцию» (А.С.Пушкин. «История Петра»), и шли с этой звездой на все четыре стороны света. И стала наша русская всемирность иной – не христианской, но коммунистической.

Достоевский: «Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк».

Какой из Пушкина пророк, и что он угадал – мы уже говорили, повторяться не будем. Прикоснулся ли Пушкин к «силе народной»? Конечно, прикоснулся, и звание народного поэта у него никто не отнимет. Только вот беда: народ это не вполне русский, народ этот – оторван от корней. Вот что об этом народе говорит яркий его представитель В.Г. Белинский: «Итак, *народ*, или лучше сказать, масса народа, и *общество* пошли у нас врозь (после реформ Петра. – Г.С.). Первый остался при своей прежней, грубой и полудикой жизни и при своих заунывных песнях, в коих изливалась его душа и в горе и в радости; второе же, видимо, изменялось, если не улучшалось, забыло все русское, забыло даже *говорить русский язык*, забыло поэтические предания и вымыслы своей родины, эти прекрасные песни, полные глубокой грусти, сладкой тоски и разгулья молодецкого, и создало себе литературу, которая была верным его зеркалом. («Литературные мечтания», 1834 год; курсив везде Белинского. – Г.С.).

Не к тому народу и не к той силе, которая подаётся народу от Господа (*Аз приидох, да живот имут, и лишше имут* (Ин.10:10)), прикоснулся поэт Пушкин, а к той, таящейся в каждом народе и в каждом человеке силе, которая толкает его к самоуничтожению, и название которой – гордыня. «Великое грядущее назначение этой силы» – *огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его* (Мф.25:41).

Итак, произнеся слова о народной силе и об её отгадчике Пушкине, Ф.М. Достоевский возвращается в своей речи к петровской реформе, желая связать воедино народ, реформу (40) и «пророка». Делает же в действительности то, чего, будем верить, не хотел делать (41) – ступшевывает (42) исконную народную силу, т.е. веру в Бога, и навязывает иную веру, придуманную, свою. В общем, чем начал, тем и заканчивает свою речь о Пушкине – новым русским (которое лучше назвать не русским, но российским) самосознанием.

Достоевский: «В самом деле, что такое для нас петровская реформа, и не в будущем только, а даже и в том, что уже было, произошло, что уже явилось воочию? Что означала для нас эта реформа? Ведь не была же она только для нас усвоением европейских костюмов, обычаев, изобретений и европейской науки. Вникнем, как дело было, поглядим пристальнее. Да, очень может быть, что Петр первоначально только в этом смысле и начал производить ее, то есть в смысле ближайше утилитарном, но впоследствии, в дальнейшем развитии им своей идеи, Петр несомненно повиновался некоторому затаенному чутью, которое влекло его, в его деле, к целям будущим, несомненно огромнейшим, чем один только ближайший утилитаризм. Так точно и русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу, а несомненно уже ощутив своим предчувствием почти тотчас же некоторую дальнейшую, несравненно более высшую цель, чем ближайший утилитаризм, - ощутив эту цель опять-таки, конечно, повторяю это, бессознательно, но, однако же, и непосредственно и вполне жизненно».

Трудно понять, как можно, начав с усвоения европейских костюмов и беспощадного разрыва с живой народной традицией, закончить чем-то для народа полезным, даже ещё в высшей, чем ближайший утилитаризм, цели? Если для европейских костюмов и париков была затеяна реформа, значит, для них она и оказалась в итоге проведена, а весь утилитаризм и ближайший, и дальнейший оказался в еврокарманах (43). О чем, кстати, сам Ф.М., перебивая себя, пишет чуть ниже: «Если захотите вникнуть в нашу историю после

петровской реформы, вы найдете уже следы и указания этой мысли, этого мечтания моего, если хотите, в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей. Ибо что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой?»

Выходит, что двухвековое служение Европе это и есть та «несравненно более высшая цель, чем ближайший утилитаризм»? Мы правильно Вас поняли, Федор Михайлович? Выходит, в служении Европе заключалась цель петровской реформы? Так вот, полюбуйте, как Россия, по Вашему слову, и в четвёртый век после петровской реформы служит кому угодно и чему угодно, только не Христу Богу и не себе. В Ваше время она служила Европе, после Вас – мировому пролетариату, Советскому Союзу, социалистической Европе, всемирному коммунизму... Некоторые говорят, что в 21-м веке она будет служить мировому Иуде. Да не будет!

«Ведь мы (кто эти «мы»? говорите точнее: мы, оторванные от народа дворяне. – Г.С.) разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому! Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полной любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примерять (так в тексте. – Г.С.) различия, и тем уже выказали готовность и наклонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода».

Куда опять нас с Вами понесло, почтеннейший Федор Михайлович? Какая пурга порошит нам глаза и уши? Что значит «различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия»? «Снимать противоречия» между чем? Между правой и неправой верой? «Извинять и примирять» что? Отступления от Православия? Надеюсь, Вы не это хотите сказать?

В тексте, которым я пользуюсь, опечатка: «примерять различия». Впрочем, после призывов Достоевского к воплощению в гении других наций, я уже не удивлюсь и слову «примерять». Примеряют же еврокостюмы, почему бы не примерить на себя чужой дух, как примерял их Пушкин? То, что Ф.М. называет «всечеловечностью», говоря, что «Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность», есть, в действительности, обыкновенная театральная игра. Ибо невозможно человеку оставаться самим собой, примеряя на себя чужие характеры, не говорю уже о чужих национальностях. Можно ли вообразить русского крестьянина, который стал бы «перевплощаться»? Он почёл бы ниже своего достоинства быть кем-то иным, а не самим собой. Только оторванный от земли барин мог находить удовольствие и даже честь в лицедействе, т.е. попеременной смене то трагических, то комических масок.

Достоевский: «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей

родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей».

Исторически необходимое недоразумение – эту фразу Достоевского надо запомнить. Мне тоже кажется, что всё, о чём мы тут говорим: петровская реформа, пушкинский маскарад, клики Достоевского, советчина, всё это – исторически, или, если хотите, истерически необходимое недоразумение. Если оно будет покаянно пережито крестьянами, то из него выйдет великая душевная польза и долгая счастливая жизнь. А если нет? Если нет, тогда недоразумение вырастет в неразумие и обратится в погибель.

Достоевский: «Если захотите вникнуть в нашу историю после петровской реформы, вы найдете уже следы и указания этой мысли, этого мечтания моего, если хотите, в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей. Ибо что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой? Не думаю, чтоб от неумения лишь наших политиков это происходило. О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»

Браво! Я в неопишемом восторге. Как вспоминают очевидцы, речь Ф.М. Достоевского произвела настоящий фурор. По бородатым и наголо выбритым щекам текли счастливые слёзы. Все обнимались и целовали друг друга... Но, господа, чему вы радуетесь? Завтра убьют вашего царя.

Менее чем через год после произнесения этой речи в Обществе любителей российской словесности, а именно 1 марта 1881 года был убит от брошенной злодеем бомбы русский самодержец и император Александр II Николаевич.

1/14 марта Церковь празднует день памяти преподобномученицы Евдокии. По народным приметам: если на Евдокию ясно — год прекрасный, если пасмурно — год плохой. Примета подтвердилась не на год – на век. Весь следующий век в России рвались бомбы, а на алтарь «братского окончательного согласия всех племен» потоками полилась людская кровь.

Меч обоюдоострый

Вникнем в эту обворожительную фразу Ф.М. Достоевского: «И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»

Слова «евангельский закон» были произнесены, значит, откроем Евангельский Закон. Потребовавший суда кесаря, к кесарю и отправится (ср. Деян.25:12). Что ж, спросим Федора Михайловича по Евангельскому Закону: знает ли он его? Тем более, что имеем на такой экзамен полное право, т.к. пару лет по благословению архиерея преподавали Закон Божий в среднем учебном заведении.

Итак, скажем сразу чётко и громко. Закон Христов не только не обещает объединить все племена братскою любовью, но призван разделить овец от козлищ. Чтобы убедиться в этом, давайте благоговейно и не спеша просмотрим одно только Евангелие от Матфея.

...лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжёт огнем неугасимым (Мф.3:12). Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь (Мф.7:19). И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие (Мф.7:23). предаст же брат брата на смерть, и отец - сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их (Мф.10:21). Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч (Мф.10:34). ...ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее (Мф.10:35). Так будет при кончине века: изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных (Мф.13:49). Он же сказал в ответ: всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится (Мф.15:13). ...ибо много званых, а мало избранных (Мф.22:14). ...ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам (Мф.24:7). ...тогда будут двое на поле: один берет, а другой оставляет; две мелющие в жерновах: одна берет, а другая оставляет (Мф.24:40,41). ...после приходят и прочие девы, и говорят: Господи! Господи! отвори нам. Он же сказал им в ответ: истинно говорю вам: не знаю вас (Мф.25:11,12). ...ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет (Мф.25:29). ...и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов (Мф.25:32).

Из всех примеров Евангелия от Матфея, говорящих о всеобщем разделении, взяты наиболее яркие. Но, может, в Евангелии от Иоанна говорится о единении человечества во «всечеловечество»? ...да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, - да уверует мир, что Ты послал Меня (Ин.17:21). Однако в этих словах отнюдь не подразумевается человечество, т.к. в них Господь молится о Своих учениках: Я о них молю: не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои (Ин.17:9). И добавляет: Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их (Ин.17:20).

Или, может быть, здесь читается мысль о единении человечества? Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино (Ин.11:51-52)? К этим стихам мы, даст Бог, когда-нибудь обратимся с должным вниманием, но и в них говорится о собирании воедино не всего человечества, а только *рассеянных чад Божиих*.

Конечно, христиане призваны на дело созидания Тела Христова, *доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия* (Еф.4:12,13). Но единение верующих во Христе Иисусе и единение человечества – это совершенно разные, противоположные темы. Как же Федор Михайлович мог их перепутать? Да вот так и перепутал, что Евангелие читал невнимательно, в церковь ходил нерегулярно, в законе Божьем поучался неусердно. Потому и не знает, что живое, а не книжное свидетельство о Христе всегда – гонимо. Более того, такое гонение – необходимо. Не будет гонения, не будет свидетельства о Христе. Но не того книжного свидетельства, говорящего, что все веры хороши, а христианство в их числе, и что истин множество – выбирай любую; но того свидетельства, которое *даже до смерти* (Откр.12:11) готово утверждать, что истина – одна, и вся она – в Православии.

Гонение необходимо для свидетельства. Причём, если в Евангелии от Луки сказано, что свидетельство о Христе нужно для гонимых: *ведомы к царем и владыкам, имене Моего ради. Прилучится же вам во свидетельство* (Лк.21:12,13), то Евангелист Марк говорит, что такое свидетельство нужно для гонителей: *пред цари и воеводы ведени будете Мене ради во свидетельство им* (Мк.13:9). Мученичество за Христа необходимо как для оправдания мучеников, так и для справедливого наказания мучителей, т.е. для всё того же разделения мира, а не для соединения «с братской любовью всех наших братьев».

Неужели Ф.М. думает, что если кто праведно будет жить во Христе, ему тотчас начнут аплодировать и, как Пушкина, на пьедестал возведут или орденом наградят? Напротив, его прогонят или убьют. **(44)** *Аще Мене изгнаша, и вас изженут* (Ин.15:20). А если не прогонят и не убьют, то будут злословить и клеветать за то, *что вы не участвуете с ними в том же распутстве* (1Пет.4:4), потому что *все хотящие благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут* (2Тим.3:12). **(45)**

Читал ли Ф.М. о том, что не мир Христос принёс на землю, но меч? Читал ли о болезнях и скорбях, ожидающих верующих? *В мире скорбни будете,* - говорит Господь Своим ученикам (Ин.16:33). Читал ли о войнах, предвещающих кончину мира? *Егда же услышите брани и нестроения, не убойтесь: подобает бо сим быти прежде: но не у абие кончина* (Лк.21:9). *Восстанет бо язык на язык, и царство на царство /.../ начало болезнем сия* (Мк.13:8). Эти болезни Апостол Павел сравнивает с муками *во чреве имущей* (1Фесс.5:3), т.е. говорит так, словно Божий мир мучится родовыми схватками и готовится к рождению *нового неба и новой земли, на которых обитает правда* (2Петр.3:13). Читал ли, что Христос разделяет не народы только, но и родных людей? *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф.10:37). Всё это вопросы – риторические, т.е. заключающие ответ в самих себе. Но вот вопрос, требующий ответа: зачем нужно это разделение? Что лежит в его основе?

Перечитайте вышеприведённые слова Мф.10:37. Любовь Божия – основа разделения. Любовью Божией, как мечом, будет рассечён мир в последний миг своего последнего седьмого Дня на две части: достойную и недостойную Христа.

Кто же тогда выдумывает всеобщее единение? Кто сеет эти несбыточные мечты об общей гармонии и братском согласии всех племён «по Христову евангельскому закону»? Противник Божий и клеветник. Это он на Евангельский закон клеветает, извращая понятие любви. Это он придумывает соблазнительные «свободу, равенство, братство», толкуя их по-своему, а не по-Божьему. Это он своим нечеловеческим упорством собирает всё человечество воедино, чтобы разом опрокинуть его в бездну. Это он противится и оттачивает, упрямится и острит, упирается и шлифует до бритвенной остроты, до огненного блеска меч Божией Любви. Т.е. потому самому, что противится, потому и отделяет себя и всех тех, кто за ним последовал, от Бога окончательно и навечно.

Тайна беззакония

Итак, о единении человечества нет свидетельств в Евангельском Законе. Более того, по слову Апостола Павла, *когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут* (1Фесс.5:3). Т.е. тогда именно наступит мир погибель, когда случится «братское окончательное согласие всех племён», чего Вы нам и желаете, дорогой Федор Михайлович.

Достоевский: «Знаю, слишком знаю, что слова мои могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что их высказал. Этому надлежало быть высказанным, но особенно теперь, в минуту торжества нашего, в минуту чествования нашего великого гения, эту именно идею в художественной силе своей воплощавшего».

Воплощать идею – пророчески сказано. Спустя полвека советский человек, как приговорённый (не Вашим ли, Федор Михайлович, приговором?), будет воплощать эту идею уже не в художественной, но во всей своей телесной и душевной силе, не щадя себя, надрываясь, жертвуя этой идее жизнью, чтобы оказаться у разбитого корыта.

Достоевский: «Да и высказывалась уже эта мысль не раз, я ничуть не новое говорю. (Конечно, ничего нового: либерте, эгалите, фрэтэрните, **(46)** так, кажется, звучит эта мысль по-французски? – Г.С.). Главное, все это покажется самонадеянным: «Это нам-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой земле такой удел? Это нам-то предназначено в человечестве высказать новое слово?» Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории (какой именно? – Г.С.), в наших даровитых людях (каких именно? – Г.С.), художественном гении Пушкина (а, теперь понятно. – Г.С.). Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю «в рабском виде исходил благословляя Христос». Почему же нам не вместить последнего слова его? (Какого «последнего слова Его»? Которое Вы сами только что сочинили? – Г.С.). Да и сам он не в яслях ли родился?»

Последнее слово Христово, т.е. Евангелие мы внимательно прочли, и ничего не нашли о придуманном Вами «всечеловечески-братском единении». Зато в Евангелии есть слово проклятия всем хотящим *превратить благовествование Христово, а именно, что если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема* (Гал.1:7,8). И надо сказать, Федор Михайлович, что даже в кратком Вашем упоминании о яслях просматривается такое именно превращение, т.е. извращение

Христово благовествования. Во-1-х, Он в яслях не родился, но был положен в ясли по рождении Своём (см. Лк. 2:7). А во-2-х, и это главное, Господь восхотел быть положенным в яслях не для того, чтобы христиане хвалились превосходящим разумением Господним самоуничижением, но чтобы показать всем людям пример смирения. У Вас же всё наоборот: служащая к смирению нищета становится основанием для тщеславия. Раз наша земля нищая, говорите Вы, значит, она достойна принять возлегшего в яслях Бога и тем самым прославиться.

Сопоставим эти слова Достоевского, что нищета способствует славе (конечно, не меча или науки, но славе «всечеловечески-братского единения»), со словами Апостола Павла: *«Кто учит иному и не следует здоровым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражен страстью к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения; пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины, которые думают, будто благочестие служит для прибытка. Удаляйся от таких (1Тим.6:3-5)»*. Собственно, ради последней мысли о прибытке, который может приносить благочестие, приведена эта большая выдержка из Апостола, но и всё другое, сказанное Апостолом, нам полезно послушать. Говоря о прибытке, Апостол имеет в виду прибыль материальный, но ведь прибыль может быть и душевным, как, например, прибыль, питающий страсть тщеславия. Разве не о таком прибытке, приносимом благочестивой нищетой, мечтает Ф.М., говоря, что «сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено» высказать новое слово о братстве людей?

Сопоставим также слова Достоевского со словами святителя Иоанна Златоуста из молитвы ко Святому Причащению: «Господи Боже мой /.../ якоже восприял еси в вертепе и в яслех безсловесных возлещи: *сице* восприими и в яслех безсловесных (47) моя души и во оскверненное мое тело *внити*». Златоуст для того и вспоминает о яслях Господа, чтобы не так страшно было просить Его возлечь в яслях своей собственной неразумной души. Иначе говоря, поскольку Господь не возгнушался безсловесными скотскими яслями, то Златоуст надеется, что Он не возгнушается яслями его души. А у Достоевского что? Раз Господь родился в яслях, значит, нищая земля для Него самая подходящая. Так вывернуть смирение Христово! Это надо суметь.

Причём, Златоуст именно молит Господа войти в клеть своей души и тела. А Достоевский, даже не спросив Господа, определяет и постановляет вместиться «последнему Его слову» в нищей земле. Да никакая она не нищая, наша русская земля. Но если даже нищета, служащая к смирению, стала для фарисея поводом пагубного превозношения, то, что было бы при богатстве? Впрочем, мы знаем, что было при богатстве из истории продолжателя петровских реформ – СССР. Богатство его пошло ему в погибель.

Достоевский: «Повторяю: по крайней мере мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность всечеловечность его гения. Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные. В искусстве по крайней мере, в художественном творчестве, он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание. Если наша мысль есть фантазия, то с Пушкиным есть по крайней мере на чем этой фантазии основаться».

Вот мы и договорились! Вот мы и дошли до ручки, почтеннейший Федор Михайлович. Вникните в свои слова: «Если наша мысль есть фантазия, то с Пушкиным есть по крайней мере на чем этой фантазии основаться». Фантазия останется фантазией, на каком бы фантазёре она не основывалась, и из чьей бы головы она не вышла. Или Вы хотите сказать, что можно сотворить из сказки быль, если провозгласить сказочника Пушкина новоявленным пророком? Так вот зачем Вам понадобилось творить из Пушкина провидца? Затем, чтобы на нём основывать свои фантазии.

Достоевский: «Если бы жил он дольше, может быть явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлек бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь еще смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

На этом речь Достоевского заканчивается. Пушкин унёс с собой не тайну, но перчатку, вложенную в его гроб по масонскому обычаю Вяземским (48). А тайну? Непонятно, какую «некоторую великую тайну» хочет скрыть в пушкинском гробе Достоевский? Ту тайну, которую он сам только что раскрыл?

Великие мастера эти великие писатели делать тайны из ничего. Впрочем, делается это просто. Сперва нужно провозгласить нечто тайной, а потом «разгадать» её так, как самому отгадчику хочется. Данный приём Достоевского напоминает трюк Фрейда, объявившего «бессознательным» то, что стало «осознанно» именно им, Фрейдом. Такого рода загадки-отгадки лучше назвать вождением за нос простодушных читателей, нежели «пушкинской тайной» или «областью бессознательного».

Но, может, неверие Пушкина во Христа Бога – тайна? Вот это, действительно, тайна. И она должна оставаться недоступной для нас до скончания века, аминь. Вопрос веры это главный вопрос в жизни каждого человека, это вопрос его вечного спасения и вечной гибели. Кому кроме Бога его решать? Поэтому говоря о писателях, остережёмся переступить черту, отделяющую Божие от человеческого (ср. Исх.19:12).

И в разговоре о поэте Пушкине остановимся перед этой чертой в трепете. Что ждёт его? Что встретит нас, когда мы переступим её, разлучённые по воле Божией, с нашими телами, а потом вновь соединённые с ними для вечной жизни? Помолимся, читатель, о рабе Божиим Александре. Я много нелюбезного сказал о нём, впрочем, не о нём, но о поэте Пушкине. Я не сужу раба Божия, я сужу поэта, а также те мнения, что выросли вокруг его творчества непроходимыми лесами предрассудков и небылиц. Эти мнения до того плотной стеной высятся вокруг, что все, будто по команде, будто загипнотизированные, твердят: поэт Пушкин – верный христианин. И попробуй кто возразить, вся «русская» культура ополчится на инакомыслящего.

Пусть ополчается. Не страшно. Потому что эта культура давно перестала быть русской. Культура, которая провозглашает поэта Пушкина своим пророком и учителем, не может быть русской. Почему? Да потому что подлинная русская культура вся выросла из Церкви и церковного богослужения. Русская культура это культура возделывания Древа послушания – Креста. Пушкинской же культуре лучше называться российской, а ещё лучше потешной (49) культурой, и не присваивать себе имени русской. Иначе выходит путаница и ложь.

Тайна личной веры – опасная для человеческих рассуждений область и не нашего ума дело. Если же кого интересует тайна пушкинского творчества, то скажем, что эта тайна – соблазн. «В Пушкине, как в золоченом орехе, кроется яд невероятной разрушительной силы; у церковных людей этот яд называется соблазном» (Б.А. Садовской, роман «Пшеница и плевелы», 1936-1941 гг.).

Всё-таки: яд или соблазн? Надо бы уточнить поэтическое определение Б.Садовского. Яд не может быть соблазном, потому что яд есть яд. Тогда как соблазн может быть даже полезен для человека, поскольку может послужить к укреплению его души в добродетели, если, конечно, будет вовремя преодолен. Впрочем, и яд в малых дозах служит лекарством. Короче, действие соблазна зависит от соблазняемого. Поэтому нельзя сказать, что в Пушкине кроется яд. Лучше сказать, что в нем кроется соблазн невероятной силы. Разрушительной или укрепляющей силы? Это уже зависит от человека, соприкоснувшегося с соблазном пушкинского гения.

Говоря общо, соблазн это – влекущая ко греху сила, которая, если не преодолевается покаянием, приводит к гибели, а именно, к смерти второй. *Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая* (Откр.21:8). Соблазн ощущается человеком как опасная для его жизни сила, но она влечёт к себе. Вот великая загадка и непостижимая тайна. Непонятно, почему здоровое и разумное существо избирает себе смерть вместо жизни.

Во Второзаконии есть такие стихи: *Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. [Если будешь слушать заповеди Господа Бога твоего,] которые заповедую тебе сегодня, любить Господа Бога твоего, ходить по [всем] путям Его и исполнять заповеди Его и постановления Его и законы Его, то будешь жить и размножишься, и благословит тебя Господь Бог твой на земле, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею; если же отвернется сердце твое, и не будешь слушать, и заблудишь, и станешь поклоняться иным богам и будешь служить им, то я возвецаю вам сегодня, что вы погибнете и не пробудете долго на земле, [которую Господь Бог дает тебе,] для овладения которою ты переходишь Иордан. Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое, любил Господа Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя и долгота дней твоих, чтобы пребывать тебе на земле, которую Господь [Бог] с клятвою обещал отцам твоим Аврааму, Исааку и Иакову дать им* (Втор.30:15-20).

«Избери жизнь», - говорит Пророк, но человек выбирает смерть. Избери благословение, но народ выбирает проклятие. Как же можно выбрать смерть и проклятие? Однако их выбирали и выбирают, и смерть ширится в мире. И эту непостижимую тайну смерти, тайну греха Апостол Павел называет тайной беззакония, говоря, *ибо тайна беззакония уже в действии* (2Фесс.2:7).

Скажу вещь странную, а именно, что Господь наш Иисус Христос Своим пришествием на землю не замедлил, но ускорил действие этой тайны. Впрочем, я не правильно выразился. Ускорил или замедлил – этого мы не можем знать, поскольку мы не знаем Божьего времени. Просто воплотившийся Бог открыл Себя до предела. Значит, иных, лучших и больших откровений быть уже не может. Ждать больше нечего. Всё совершилось.

Я не думаю, чтобы Ф.М. Достоевский лгал сознательно, когда писал свою Пушкинскую речь, и потешное провозглашал пророческим. Он приукрашивал, он фантазировал, он художественно мечтал, но тайна лжи действовала в его словах помимо него. Впрочем, на то она и тайна, чтобы скрываться. Тайна лжи и есть тайна беззакония, действующая в человеке помимо человека. Эта тайна скрывается не где-то за человеком, не в чьих-то замыслах и планах, она – внутри каждого из нас.

Примечания

(1) Свет Христов просвещает всех! Или Федор Михайлович никогда не слышал этого возгласа в церкви?

(2) «Писатель и есть собиратель. Только вам это не выгодно признавать», - заметили автору читатели. Что он ответил? Согласен, что я не вполне прав, но ведь и вы не вполне правы. Сойдёмся посредине?

(3) «Святые тоже молятся за весь мир, за всемирное счастье в их святом понимании», - сказали автору. Что он ответил? «О мире всего мира... и соединении всех» молится Церковь, и мы вместе с нею об этом молимся на каждом богослужении. Мы молимся, но не мы решаем, мы просим, но не мы соединяем. Соединяет Господь и далеко не всех. В других главах мы увидим, как писатель Ф.М. Достоевский сам будет всех соединять и призывать своих читателей к этому деланию.

(4) «Это всего лишь типическая личность и не только пушкинских времен. Характер, взятый из среды русской интеллигенции», - сказали автору, желая несколько смягчить его цинизм. Что он ответил? Такой личности нет. А если такой личности нет, то кому сочувствовать? Своему сочувствию? Это всё равно что напиться пьяным и всем сочувствовать. Или же со всеми ругаться. Причём, сочувствие или ругань будут зависеть не от того, кто перед пьяницей, а от его настроения.

(5) Туманное выражение «проклятый вопрос» становится яснее, если вспомнить, как оно понимается в Ветхом Завете. *И сказал [Господь Каину]: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле* (Быт.4:10-12). Рассмотрен «проклятый вопрос» и в Новом Завете. *Тогда речет и сущим ошуюю (Его) идите от Меня, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его* (Мф.25:41).

(6) Сжигая дворянские усадьбы в революционные годы, крестьяне едва ли мстили своим эксплуататорам и насильникам, как об этом эмоционально пишет А.А. Блок в статье «Интеллигенция и революция». Веками стояли русские дворянские гнёзда не на вершинах гор и не за многометровыми каменными стенами, как стояли они в европейских странах, укрывая феодалов от своего народа. Нет, русские феодалы не прятались, но открыто и безбоязненно жили среди неописуемой красоты лугов, холмов, лесов, посреди своих крепостных, которые и были им крепостью. Пуская потом в эти усадьбы «красного петуха», крестьяне очищали сельский мир от европейской чуждости, которую они в них ощущали, и которая с петровских времён заползла и до краёв размножилась в них. «Так, может, и Петра надо было бы вытащить из гроба и сжечь? А народ, шурующийся огоньком, это у вас носитель истины?» - спросили автора. Что он ответил? Не сам по себе народ сжёт, но Бог попустил народу сжечь усадьбы. Эту разницу надо понимать. А сжечь или не сжечь Петра – это тоже не от народа зависит. Если Петр был оставлен, и на его мощах выросло безбожное Советское государство, значит, оставлена нам пока что от Бога возможность покаяния. Не будет покаяния – будет сожжён и Петр, т.е. вся петровско-советская Россия до основания.

(7) «Типично масонские символы: солнце, тьма, лампада, разум - стали благодаря поэзии Пушкина расхожими и популярными. «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» Масоны - дети эпохи просвещения - слишком верили в силу разума. Эта вера не оставляла Пушкина никогда». К.Кедров. Под градусом Пушкина.

(8) «Восьмерка на боку была символом бесконечности. Поэтому из десяти глав своего великого романа он оставил восемь, а в финале возникает любимый символ поэта - жизнь как недопитый кубок. По сути Пушкин совершает здесь поэтическое открытие - создает роман с бесконечной перспективой в финале. Здесь же вспоминает он об излюбленной масонской медитации - созерцании магического кристалла. Вряд ли сам Пушкин занимался подобными упражнениями. Зато возник образ: «И даль свободного романа / Я сквозь магический кристалл / Еще не ясно различал». К. Кедров. Под градусом Пушкина.

(9) Один читатель подчеркнул слова «отмечен Пушкиным гениально». Что же удивило читателя? Несоответствие этих слов антипушкинскому настрою автора? Но автор не отрицает гениальности поэта Пушкина, он только хочет знать, чья и откуда она?

(10) «Да уж, и за всех царей, императоров, и державных владык пусть тоже ответит: они ведь империю строили, возносились, стало быть...», - заметили автору. Замечание не

принимается. Цари и императоры делали то, что и должны были делать – строили государство. А писатели и идеологи должны были учить народ единственному истинному учению – Священному Писанию и Преданию, а не своим выдумкам.

(11) «Вот и ваш текст, если бы так же пристрастно разбирать, а вы бы в ответ (как вы и отвечаете в большинстве случаев): «Я так хочу». Мол, цель у меня праведная, и она оправдывает любые средства», - заметили автору. Что он ответил? Я, действительно, так хочу и так пишу. *Веровах, темже возглаголах* (Пс.115:1). А вы проверяйте, правильно ли я хочу, верная ли у меня вера? Точно так, как я Пушкина проверяю.

(12) «...масонский кодекс морали можно и сегодня прочесть на постаменте главного памятника: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал. / Что в мой жестокий век восславил я свободу / и милость к падшим призывал» (1836). Все это – из лексики кишиневской ложи «Овидий». К.Кедров. Под градусом Пушкина.

(13) «Отчего же «жандармской»? Скорее, болезненной», - сказали автору. Профессиональной – вот правильное слово, читатель. А ещё лучше – святоотеческой недоверчивостью к себе и к другим.

(14) «Пушкин, тайную свободу пели мы вослед тебе», - пропел поэт Блок. Уж, не в этом ли тайная свобода состоит, чтобы писать масонские знаки в своих книжках, а также в сознании читателей? Не в этом ли свобода, чтобы посвящённые могли их читать и посмеиваться в кулак над профанами? Если в этом, то избави меня Бог от этой свободы, этой поэзии и этих гениев, которые меня за человека не считают и строят свою свободу на моей несвободе.

(19) Слово «прикол» родилось в уголовной среде и означает легкий укол ножом ради смеха.

(20) Последняя Конституция Российской Федерации гласит: «Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается» (ст.29, п.5). Позволю себе заметить, что закон, который отменяет цензуру, по сути отменяет сам себя, ибо что закону охранять, когда нет цензуры?

(21) «Несомненно, не Федор Михайлович», - ответили автору на его вопрос. Вот-вот, потому автор и поставил себя первым на проверку.

(22) Как можно было перевести этот стих по-русски в форме единственного числа: «не надейтесь на князей, на сына человеческого, в котором нет спасения»? Неужели синодальные переводчики не знали, кто в Евангелии называется Сыном Человеческим?

(23) «Так говорит по Библии / Пророк Есенин Сергей». Если «подвигоположника» литературных «откровений» Пушкина надо было пророком провозглашать, то последующие поэты сами себя таковыми провозглашали. Спрашивается, почему же Вы

себя, Сергей Александрович, только пророком объявили? Почему не богом? «Подождите, скоро придёт к вам тот, кто объявит себя богом».

(24) Эти строки были написаны в 1826 году. Тем, кто называет Пушкина пророком, предлагаю прибавить к этой цифре весьма краткий для пророческого взора срок – 100 лет. Получится 1926, почти 1927 год, названный в советской истории «годом великого перелома». Перелома чего? Как теперь очевидно, перелома хребта русского народа. Выходит, обманула «пророка» его надежда.

(25) Ниже перечислены стихи Псалтыри, где церковно-славянское слово «благо» заменено при переводе на русский язык словом «добро». Пс.13:1, Пс.33:15, Пс.34:12, Пс.35:4, Пс.35:5, Пс.36:3, Пс.36:27, Пс.37:21, Пс.38:3, Пс.48:14, Пс.51:5, Пс.52:2, Пс.52:4, Пс.108:5, Пс.111:5, Пс.118:66, Пс.124:4. Спрашивается, зачем нужна эта замена? Чтобы поскорее забыть слово «благо» и сделать против него в словарях пометку «уст.», т.е. устаревшее?

(26) Опять Пушкин. Кругом сплошной Пушкин.

(27) И эта гордость третье столетие сбивает нас с Божьего пути.

(28) Конечно, корнем и костью, вернее, камнем всего является Сам Господь, Податель церкви и языка.

(29) «Святые не разговаривали тоном агитаторов, организаторов, пропагандистов и голосом матросов революции: «слазьте, кто тут временные...», - справедливо заметили автору. Что отвечать? Только одно. Простите меня, читатели, за мой матросский тон. Но я не могу совладать с собой. Я не могу последовать примеру святых, пока не освобожу их образы от позднейших наслоений. Так иконописцу, чтобы снять с первоначального изображения написанный поверх него слой живописи, потребны уксус и чеснок. А ещё скажу, что иной гнев бывает много лучше похвалы и равнодушия.

(30) «Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением. Это сказал Пушкин», - заметили автору читатели. Ну и что? Прочтите целиком пушкинскую статью «Заметки по русской истории 18-го века», где им были написаны эти слова, и вы удивитесь, как они вообще были им написаны. В этих «Заметках» вы встретите, например, и такие слова: «Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешёл из рук Шишковского в темницу». И потом, если Пушкин сказал про монахов как про учителей, то Тургенев назвал своим учителем не монахов, но Пушкина. А следующий за Тургеневым поэт уже сам себя пророком и учителем провозгласил. Нетрудно догадаться, кто придёт за поэтом Есениным, и что он провозгласит.

(31) «А кто вам сказал, что Пушкин и Достоевский не хотели видеть своей греховности? Кувалдой по клавишам бьете», - сказали автору. Что вы, читатель? Такого я нигде не говорил, но хорошо, что вы мне об этом заметили, хорошо, что выправляете мой удар. Значит, опять нужно подчеркнуть, что я говорю не о людях, но об идеологах; не о личной жизни, но о текстах; не о плоти и крови, но о духах-руководителях.

(32) «Странствия Владычня и бессмертныя трапезы на горнем месте высокими умы, вернии, приидите насладимся...». Признаюсь, многие годы думал, что здесь, в ирмосе 9-й песни канона Великого Четвертка говорится о странствиях Господа, не имевшего на земле места, *где главу подклонити* (Лк.9:58). Но, оказывается, под словом «странствия» разумеется «гостеприимство» Владыки, о чём говорит продолжение ирмоса: «бессмертныя трапезы». Т.е. накрытой на горнем месте – в Небесной Сионской горнице гостеприимной вечной трапезы приглашает насладиться верных содержание этой песни. В чём сладость Господней трапезы? Это надо у святых спрашивать, например, у Симеона Нового Богослова. «Истинно слово всяко Владыки и Бога моего: Божественных бо причащайся и Боготворящих благодатей, не убо есмь един, но с Тобою, Христе мой, Светом трисолнечным, просвещающим мир». И каждое слово этой молитвы говорит о сладости и бессмертии Христова гостеприимства.

(33) Слова «экуменизм», «экономия», «экономика», «экология» – однокоренные и происходят от греческого слова «*оикос*» – дом. Почему же начальные буквы «ои» заменились звуком «э»? Этот вопрос надо задать книжникам. Они используют несколько систем произношения греческих и латинских букв, среди которых «экуменизм» – только один из вариантов. Он равен с такими, например, вариантами: ойкуменизм, икуменизм, ёкуменизм. Выбирайте, читатель, какой вам нравится.

(34) «Именно так. Един Адам. Едино человечество», - возразили автору. И я бы согласился с этим возражением, если бы Достоевский сказал о перевоплощении в дух нового Адама, но ведь он сказал о перевоплощении в дух чужих народов. Неужели не слышите разницу?

(35) «Это вы говорите «примерять», это вы все спешите опошлить. Преподобный Сергей слышал и видел глубины всякого человека. Вот и всё», - сказали автору. Нет, не всё. Я сказал «примерять», но ведь Достоевский сказал ещё страшнее: «перевплощаться вполне в чужую национальность».

(36) Генеалоги утверждают, что великий благоверный князь Александр Невский и Александр Пушкин – родственники. О подобном родстве говорит Иоанн Креститель: *И не начинайте глаголати в себе: отца имама Авраама: глаголю бо вам, яко может Бог от камня сего воздвигнути чада Аврааму. Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко убо древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и во огонь вметаемо* (Мф.3:9,10).

(37) «Власть земли» – замечательный очерк печального Глеба Успенского. Не читали?

(38) Российское общество стало сперва социалистическим, а потом демократическим в строгом соответствии с названием возглавившей его партии – РСДРП: российская социал-демократическая рабочая партия.

(39) «Вот именно! - сказали автору читатели. - А зачем тогда взялись других копать?» Я никого не копаю, дорогой читатель. Я говорю очевидные вещи, и только душевная слепота или же шоры, неподъёмные, вековые, каменные, бронзовые, золотые, прелестные шоры на

глазах читающих не дают видеть в стихах Есенина то, что сказано в них прямым текстом. Я не хочу никого копать, я хочу помочь почитающим поэзию Есенина христианам с собой разобраться, т.е. снять эти шоры. А с Есениным мне разобраться не за чем, пусть с ним Господь разбирается.

(40) «Отношение к Петру и его реформам у Достоевского было неоднозначным, менялось», - сказали автору. Что он ответил? Достоевский, как и весь верхний слой дореволюционного русского общества жил и кормился реформами Петра. Поэтому ту перемену взглядов, о которой вы говорите, можно назвать литературной игрой. Тогда и только тогда можно говорить о серьёзной перемене отношений к чему-либо, когда человек меняет свою жизнь. Допустим, был язычником, стал христианином, был христианином на словах, стал таковым на деле. А перемена, о которой вы говорите, это – перемена отношения к отношению, т.е. всё та же литература.

(41) «Хотел как лучше, а вышло, как всегда». «Всегда» в этой поговорке начинается и кончается там, где дело делается без молитвы и без Божия благословения.

(42) Где-то в своих книгах Ф.М. Достоевский говорит, что слово «штушеваться» своим появлением в русском языке обязано именно ему.

(43) Листая книгу «Дворянские роды, прославившие отечество», можно вдоволь налюбоваться дворянскими гербами, сплошь украшенными теми или иными масонскими знаками. Само же российское дворянство оказалось в итоге там, откуда пришла реформа – за рубежом.

(44) Могут сказать: вот Пушкина и убили. В ответ могу привести выдержку из романа Б.Садовского «Пшеница и плевелы».

«Погиб поэт, невольник чести, / Пал, оклеветанный молвой». Это Пушкин-то невольник чести? Похоже. Жалкий раб великосветских предрассудков, невольник этой самой, якобы оклеветавшей его, молвы. Да разве настоящий поэт клеветы побоится? Никакой клеветы и нет: были анонимные пасквили, место которым в помойной яме.

«Не вынесла душа поэта / Позора мелочных обид». Хорош поэт: взбесился от булавочных уколов. Сам оскорблял людей направо и налево, а тут дурацкого пасквиля не снес.

«Восстал он против мнений света / Один, как прежде...» Ни прежде, ни после, ни один, ни в компании Пушкин против светских мнений не восставал. И липнул к бомонду всю жизнь, точно муха к меду.

«Не вы ль сперва так долго гнали/ Его свободный, чудный дар...» Да кто его гнал, помилуйте? Ни один поэт не получал такого общего признания.

«Зачем от мирных нег и дружбы простодушной / Вступил он в этот свет...» Вот уж подлинно: зачем? И кто, кроме беса, мог толкнуть Пушкина в этот мелкий искусственный мирок? А ведь он был человек обеспеченный, молодой, здоровый. Мог поселиться у себя в деревне и творить на досуге; конечно, и за границу бы его отпустили. Жена мешает? оставь ее, оставь все на свете; беги с котомкой, куда глаза глядят.

А уж в конце прямая ахинея: «...Надменные потомки... ...Известной подлостью прославленных отцов... Жадною толпой стоящие у трона / Свободы, гения и славы палачи...» Что за потомки подлецов, какие палачи? Ведь русский Государь самодержавен: у трона его не стоит никто. Тогда выходит, что поэта погубил царь. Вам смешно, и я смеюсь; да что говорить: такой подлой глупости даже во сне не придумаешь».

(45) Этот и другие стихи данного Послания читаются, кстати сказать, в Неделю мытаря и фарисея.

(46) Фр.: свобода, равенство, братство. Сей девиз родился за многие столетия до французской революции в недрах тайного общества франкмасонов.

(47) «Безсловесная» в оригинале: «алогос». Это слово имеет также значение: «неразумная».

(48) Исторический факт: во время прощания с убитым Вяземский снял с руки и положил в гроб Пушкина белую перчатку. Этот традиционный масонский обряд означает, что «братья» не расстанутся и после смерти.

(49) О значении слова «потешный» в допетровскую эпоху можно прочесть у историка Забелина. «Книги с картинками исторического содержания назывались царственными, потому что излагали историю царств. Все другие предметы, изображенные в картинках светского содержания, носили имя потешных, увеселительных, служивших для забавы, ибо назидательным, учительным в собственном смысле почиталось одно только Священное Писание и вообще книги церковно-учительные. Поэтому и все эстампы, гравюры, привозимые с Запада, также носили название потешных, фряжских и немецких листов». И.Е.Забелин. Домашняя жизнь русских царей. Глава «Книжное учение царевича Петра».